

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

На правах рукописи

Шилов Николай Владимирович

**ПОСТСОВЕТСКИЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ:
МОДЕЛЬ МОРДОВИИ**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена в Центре этнополитических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

Научный консультант: доктор исторических наук, академик РАН
В.А. Тишков

Официальные оппоненты:

Черных А.В. - доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором этнологических исследований отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН

Карлов В.В. - доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Амелин В.В. - доктор исторических наук, профессор, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Ведущая организация: кафедра отечественной и зарубежной истории и методик обучения Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева

Защита состоится _____

на заседании диссертационного совета Д.002.117.01 при Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: Москва, Ленинский проспект, 32 А

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке при Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и на сайте: www.iea-ras.ru

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Е.С.Данилко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы данного диссертационного исследования в значительной степени связана с современными геополитическими реалиями, в которых Российская Федерация вынуждена отстаивать свое «место под солнцем» и противостоять множеству вызовов – как внешних, так и внутренних. В связи с этим на протяжении последних лет в выступлениях руководства страны, лидеров политических, общественных и религиозных организаций все больше уделяется внимание вопросам укрепления гражданской солидарности при сохранении этнокультурного многообразия российского общества. Формирующаяся российская нация в официальных документах представляется как «многонациональный народ Российской Федерации» и целью государственной национальной политики является поддержание «единства в разнообразии».

Этнополитический транзит в постсоветской России характеризуется сложным комплексом разделительных и объединительных процессов. Поскольку модернизация российской этнополитической модели сопровождается процессами, порожденными распадом СССР начала 1990-х гг., то преобладают процессы этнической дивергенции. Этим историческим обстоятельством обусловлено неизбежное усиление этнической консолидации, обострение этнического самосознания, возрастание роли этнополитического и этноконфессионального факторов.

Показательными в этом отношении являются субъекты федерации, расположенные в Среднем Поволжье, в том числе Республика Мордовия (РМ). В обозримой перспективе дальнейшее усиление роли этнического и религиозного факторов в политической жизни Среднего Поволжья способно изменить вектор этнокультурного и политического развития региона, что само по себе обуславливает актуальность заявленной темы.

Комплексный научный анализ основных тенденций этнополитического и этноконфессионального развития Мордовии подтверждает, что социокультурный диалог и гармонизация этнокультурных и межконфессиональных отношений являются одной из приоритетных задач государственной политики, существенным фактором стабилизации политической ситуации и социальных отношений, складывающихся в указанном в регионе.

В целом, Республика Мордовия представляет собой пример долговременной стабильности межэтнических отношений и бесконфликтности, хотя на протяжении постсоветских десятилетий данный субъект РФ испытал те же трудности, с которыми сталкивались другие российские регионы, в которых, несмотря на их более значительный экономический потенциал и зачастую более высокий уровень социального развития, проявилось общественное напряжение и даже противостояние. Модель бесконфликтного общественного развития

современной Мордовии, факторы и условия ее долговременной устойчивости нуждаются в фундаментальном анализе. Данная тема актуальна в условиях современной России в свете действия кризисных факторов, способных поколебать экономическую стабильность отдельных регионов и породить напряженность в системе этнополитических отношений.

Объектом исследования выступают основные этнические группы населения и общественные институты Республики Мордовия, призванные выражать их культурные (включая религиозные) и политические интересы в условиях постсоветского этнополитического транзита.

Предметом диссертационного исследования являются основные формы и механизмы влияния этнического и религиозного факторов на общественно-политическую ситуацию в Республике Мордовия в контексте общероссийского этнополитического транзита постсоветского периода. При этом необходимо подчеркнуть, что политические процессы, происходящие в данном регионе, отражают общероссийские тенденции и в то же время остаются самобытными, имеют региональную специфику. В этом отношении рассматриваемый регион может служить моделью для изучения проблем этнополитической ситуации и этноконфессионального диалога в других субъектах Российской Федерации.

Территориальные рамки исследования ограничены территорией Республики Мордовия как одного из субъектов Российской Федерации, расположенного в Среднем Поволжье.

Среднее Поволжье – один из самых многонациональных регионов России. Здесь проживают мордва, марийцы, русские, чуваша, татары, а также представители других этнических групп (всего более 140). В регионе представлены практически все конфессии РФ. Наиболее многочисленными являются религиозные объединения и организации, проповедующие православие и ислам (например, на территории региона проживает около 40 % мусульман России). Здесь сформировалась некая локальная модель российского поликультурного сообщества, по основным параметрам не отличающаяся от него.

Существенную роль в становлении этноконфессиональной картины региона сыграл геополитический фактор. Среднее Поволжье расположено на стыке культур и цивилизаций – двух мировых религий (христианской и мусульманской), разных языковых семей (уральской, индоевропейской, алтайской), в связи с чем отличается уникальным этническим многообразием. Между финно-угорскими, славянскими, тюркскими и другими народами, издавна проживающими в регионе по соседству друг с другом, сложились традиции взаимопонимания, уважения друг к другу – то, что сегодня обозначается в научной литературе и публицистике емким термином «толерантность».

Под влиянием названных факторов сформировались характерные черты рассматриваемого региона, во многом определяющие его этнокультурную, социально-историческую и хозяйственную специфику.

Указанные выше тенденции, особенности и признаки можно проследить и на материалах современной Республики Мордовия.

Хронологические рамки исследования охватывают 1990-е – начало 2010-х гг., что обусловлено переходным характером данного периода, которому свойственна актуализация этнического и религиозного факторов в социально-политических и культурных процессах.

В рассматриваемый период этнополитическая ситуация претерпела сложную эволюцию, этапы и закономерности которой могут служить ценным материалом для анализа политической ситуации в других регионах и Российской Федерации в целом. Для Республики Мордовия, как и для других субъектов Российской Федерации, рассматриваемый период характеризуется глубокой экономической, социально-политической и этнокультурной трансформацией общества: произошла смена командно-административной экономики рыночной экономической моделью; ее непосредственным следствием стала социальная дифференциация и рост имущественного неравенства жителей Республики; был сформирован новый, по сути, режим политической власти с широкими полномочиями Главы Республики; произошло широкое возрождение этнокультурной и конфессиональной жизни Мордовии.

Нижняя граница нашего исследования – начало 1990-х гг., неразрывно связанное с социально-экономическим и политическим кризисом, следствием которого стал распад СССР.

В качестве верхней границы был выбран 2012 г., отмеченный масштабными торжествами в честь тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства, ставшими своеобразным поведением итогов общественно-политического и этнокультурного развития Мордовии рассматриваемого периода.

Степень изученности рассматриваемой проблематики.

Различные направления и отдельные аспекты этнонациональной политики в Российской Федерации достаточно подробно анализируются в исследованиях ряда ведущих отечественных этнологов, социологов, политологов и историков.

В общем ряду данных исследований следует выделить работы доктора исторических наук, академика В. А. Тишкова, в которых содержится развернутая критика примордиалистских подходов к анализу этничности, а также дан глубокий анализ эволюции этнонациональной политики в СССР и посткоммунистической России. Тематический охват исследований В. А. Тишкова достаточно широк и включает в себя методологические и методические аспекты этнологического мониторинга, особенно в сфере профилактики и предупреждения межэтнических и межрелигиозных конфликтов, состояние регионального социума в условиях военных действий

(на материал Чечни второй половины 1990-х – начала 2000-х гг.), этноконфессиональная ситуация в различных регионах РФ. Широко применяя понятие «российский народ», В. А. Тишков исследует его историю и эволюцию самосознания, внося, таким образом, весомый вклад в концепцию «единства в многообразии», то есть единства российской нации в многообразии ее этноконфессиональных культур и традиций.¹

Одну из первых попыток осмыслить сущность региональной этнонациональной политики, роль политических и этнических элит в формировании локальных стратегий, направленных на регулирование отношений между этническими общинами, а также выявить роль теоретических моделей в политической практике предприняла Л. М. Дробижеева. Она же разработала свою классификацию отдельных разновидностей «местных национализмов», ставших политической реальностью в 1990-х – начале 2000-х гг.²

Основные тенденции развития законодательства в сфере этногосударственных отношений, этнических элит, этнонациональной и языковой политики в России, трансформации постсоветских наций и связанных с ней проблем этнокультурного общения на постсоветском пространстве анализируются в работах М. Н. Губогло, М. Ю. Мартыновой, В. Ю. Зорина, А. В. Рудакова, Ю. В. Арутюняна, Р. Г. Абдулатипова, С. В. Чешко, С. В. Соколовского, Н. С. Мухаметшиной, Н. А. Барышной.³

¹ *Тишков В. А.* Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. Оренбург : ОГАУ, 2011. 184с.; *Тишков В. А.* Наука и жизнь: разговоры с этнографами. СПб. : Алетейя, 2008. 175с.; *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография Чеченской войны). М. : Наука, 2001. 552с.; *Тишков В. А.* Опыт этнологического мониторинга. М. : ИЭА РАН, 2004. 188с.; *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 544с.; *Тишков В. А.* Республика Мордовия. Религия и этничность в Мордовии // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. №39. С.13-18; *Тишков В. А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука, 2013. 648с.; *Тишков В. А.* Российский народ: книга для учителя. М. : Просвещение, 2010. 191с.; *Тишков В. А.* Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2007. Т.11. С.21-41; *Тишков В. А.* Этнология и политика. М. : Наука, 2001. 240с.; *Tishkov V. A.* Chechnya: life of war-torn society. Berkley : University of California press, 2004. 284p.; *Тишков В. А., Шабаетов Ю. П.* Этнополитология. Политические функции этничности. М. : Изд-во Московского ун-та, 2013. 413 с.

² *Дробижеева Л. М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся: сб. ст. М., 2002. С.213-244; *Дробижеева Л. М.* Социальная и культурная дистанция: Опыт многонациональной России. М. : Ин-т социологии, 1998. 385с.; *Дробижеева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376с.; *Дробижеева Л. М.* Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации // Мир России. 2001. Т.10. №2. С.167-180; *Дробижеева Л. М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М. : Новый хронограф, 2013. 336с.

³ *Губогло М. Н.* Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М. : ИЭА РАН, 2000. 512с.; *Губогло М. Н.* Русский язык и толерантность. М. : ИЭА РАН, 2003. 400с.; *Мартынова М. Ю.* Мир традиций и этнокультурное общение. М. : Изд-во РУДН, 2004. 348с.; *Мартынова М. Ю.* Такие разные, а так похожи. М. : Библиотека Этносферы, 2003. 350с.; *Зорин В. Ю.* Государственная национальная политика в России: историко-политологический анализ. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии. М., 2003. 471с.; *Зорин В. Ю., А. В. Рудаков.* Межнациональные и межконфессиональные отношения в Российской Федерации: проблемы раннего предупреждения и профилактика деструктивных

Эволюция различных государственных и общественно-политических структур на территории Мордовии в советский и постсоветский периоды в общем контексте развития Российского государства, а также особенности политической элиты данной «национальной» республики анализируются в работах Н. М. Арсентьева, И. В. Бахлова, О. В. Бахловой, М. С. Букина, Д. В. Давыдова, Т. В. Ефериной, Ж. Д. Кониченко, И. В. Курлевского, А. М. Магдеева, И. Г. Напалковой, А. П. Солдаткина, В. А. Юрченкова, А. В. Ярового.⁴

Особое место в исследованиях финно-угорских народов (в том числе мордвы) занимает монография этнолога из Финляндии С. Лаллуки «Восточно-финские народы России», в которой высказывается точка зрения, что именно дисперсный характер расселения восточных финнов является основным фактором ассимиляционных процессов (последнее весьма характерно для мордвы)⁵.

Что касается анализа этнополитической ситуации в «финно-угорских» регионах (к которым, собственно, относится и Республика Мордовия), то в теоретическом плане здесь следует обратить внимание на работы Ю.П. Шабаева

явлений: (на примере Приволжского федерального округа): монография. Нижний Новгород : Ин-т ФСБ России, 2008. 287с.; *Зорин В. Ю.* Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2002. 287с.; *Зорин В. Ю.* Этнополитика в современной России: статьи, выступления, интервью. Саратов : Поволжский ин-т им. П. А. Столыпина, 2012. 130с.; *Арутюнян Ю. В.* Трансформация постсоветских наций. М. : Наука, 2003. 207с.; *Абдулатипов Р. Г.* Этнонациональная политика в Российской Федерации (концепции, практика, реализация, перспективы). М. : Классикс Стиль, 2007. 552с.; *Чешко С. В.* Распад СССР: этнополитический анализ. М. : ИЭА РАН, 2000. 398 с.; *Соколовский С. В.* Образы других в российской науке, политике и праве. М. : Путь, 2001. 235с.; *Соколовский С. В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М. : Привет, 2004. 258с.; *Мухаметшина Н. С.* Трансформация национализма и «символьная элита»: российский опыт. Самара : Самарский ун-т, 2003. 291с.; *Барышина Н. А.* Формирование консенсусного потенциала нациестроительства на региональном уровне. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика. Саратов, 2013. 47с.

⁴ *Арсентьев Н. М., Юрченков В. А., Яровой А. В.* От ВЧК к ФСБ. История и современность Управления ФСБ РФ по Республике Мордовия. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. 376с.; *Бахлов И. В., Бахлова О. В., Давыдов Д. В., Магдеев А. М., Напалкова И. Г.* Кризисные и переходные ситуации в развитии территориальной системы России: специфика политического регулирования : монография. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 240с.; *Бахлов И. В., Бахлова О. В., Еферина Т. В.* Политическая элита современной России: региональный подход. Саранск, 2002. 177с.; *Бахлов И. В.* Политические механизмы трансформации территориальной системы России. Саранск : Изд. центр Историко-социол. ин-та Мордов. гос. ун-та, 2009. 188с.; *Бахлов И. В., Курлевский И. В.* Республика Мордовия в системе российского федерализма: специфика статусно-ролевых характеристик // Финно-угорский мир. 2012. №4. С.106-115; *Бахлов И. В.* Российский федерализм: теоретические основы, специфика становления и политико-правовой организации : монография. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 180с.; *Бахлов И. В.* Современное федеративное государство: (Опыт методологии анализа федеративных отношений). Саранск, 1999. 132с.; *Бахлов И. В.* Трансформация сложных территориальных систем: теоретические основы и методология многофакторного анализа : монография. Саранск : Изд. центр Историко-социол. ин-та Мордов. гос. ун-та, 2009. 319с.; *Букин М. С.* Образование и развитие мордовской автономии. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1977. 192с.; *Кониченко Ж. Д., Юрченков В. А.* На пороге реформ. Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х гг. Саранск, 2006. 368с.; *Солдаткин А. П.* Властные институты Мордовии в период модернизации 1930-х гг. Саранск, 2007. 128с.; *Юрченков В. А.* Власть и общество: региональный дискурс // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. М., 2002. С.56-87; *Юрченков В. А.* Государственное Собрание Республики Мордовия. История становления и развития, 1995–2015 гг. Саранск, 2015. 183с.

⁵ *Лаллука С.* Восточно-финские народы России: Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997. 391с.

(в том числе написанные им в соавторстве с автором данного диссертационного исследования, а также В. Н. Денисенко и А. П. Садохиным), который, в частности, на основе сравнительного анализа определил сущностные элементы идеологии этнонациональных движений российских финно-угров и специфику современного национализма указанных народов: как данный национализм эволюционирует; что определяет довольно быструю эволюцию националистических концептов. Причем особое внимание указанный автор уделил тому, как происходило конструирование новых этнических идентичностей финно-угров, как новые идентичности используются этническими элитами для достижения своих политических интересов, и, наконец, что способствует процессам конструирования идентичностей.⁶

К настоящему времени создана достаточно обширная историография по этнополитическим и этноконфессиональным процессам в среде мордовского (мокшанского и эрзянского) народа.

Здесь необходимо выделить труды В. А. Балашова по культуре и быту мордвы⁷; Н. Ф. Беляевой, М. С. Волковой по этнографическим и социокультурным особенностям традиционной мордовской семьи⁸; Г. А. Корнишиной по традиционно-обрядовой культуре мордвы⁹; Н. Ф. Мокшина, А.

⁶ *Шабаев Ю. П., Садохин А. П., Шилов Н. В.* Политизация этничности: зарубежные и отечественные акторы «финно-угорского вопроса» // Вестник российской нации. 2009. №2. С.163-180; *Шабаев Ю. П., Шилов Н. В.* Регионализм и этничность в пространстве публичной политики: идеологии и политические практики (на примере Архангельской области и Республики Коми) // Гуманитарные науки и образование. 2012. №4. С. 131-138; *Шабаев Ю. П., Шилов Н. В.* «Финно-угорский мир»: идеология и реальность // Свободная мысль. 2008. №12. С.79-94; *Шабаев Ю. П., Садохин А. П., Шилов Н. В.* «Финно-угорский мир»: миф, макроидентичность, политический проект? // Общественные науки и современность. 2010. №1. С.147-155; *Шабаев Ю. П.* Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М. : ИЭА РАН, 1998. 375с.; *Шабаев Ю. П., Садохин А. П., Шилов Н. В.* Этнонациональные движения в новой социокультурной реальности // Социологические исследования. 2009. №10. С.56-66; *Шабаев Ю. П., Денисенко В. Н., Шилов Н. В.* Язык и этничность: дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угров // Этнографическое обозрение. 2009. №2. С.92-105; *Шабаев Ю. П., Садохин А. П., Шилов Н. В.* Язык и этничность: опыт языковых мистификаций // Ученые записки РАГС. Вып. 2(Х). М., 2009. С.306-323; *Шабаев Ю. П., Денисенко В. Н., Шилов Н. В.* Языковая политика в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации: поиск модели // Регионология. 2009. №2. С.296-309.

⁷ *Балашов В. А.* Бытовая культура мордвы: Традиции и современность. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1992. 255с.; *Балашов В. А.* Культура и быт мордовского колхозного села. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1975. 168с.

⁸ *Беляева Н. Ф.* Народные традиции мордвы в общественном и семейном быту // Расы и народы : сб. ст. М., 2003. С.94-104; *Беляева Н. Ф.* Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001. 260с.; *Беляева Н. Ф.* Традиционные институты социализации детей и подростков у мордвы. Саранск, 2002. 102с.; *Волкова М. С.* Культ предков в религиозных верованиях мордвы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология. Саранск, 2001. 16с.

⁹ *Корнишина Г. А.* Календарная обрядность мордвы – как фактор укрепления этнической идентичности // Этнографическое обозрение. 2001. №4. С.23-28; *Корнишина Г. А.* Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытовая. Саранск, 2000. 150с.; *Корнишина Г. А.* Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект) : монография. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 154с.; *Корнишина Г. А.* Традиционно-обрядовая структура в системе мордовского этноса: Структура, субъекты, составные компоненты. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология. Саранск, 2001. 492с.

С. Лузгина, И. Н. Смирнова по этногенезу и материальной культуре мордвы¹⁰; В. К. Абрамова по мордовскому национальному движению¹¹; Ю. Н. Сушковой (Мокшиной), С. Ш. Мариновой по этноправовым традициям мордвы¹², О. В. Абрамовой и Е. Н. Мокшиной по этнической ситуации Мордовии в постсоветский период¹³, П. Н. Киричѣк, А. Ю. Мишаниной, Ю. А. Мишанина по особенностям развития национальных СМИ в РМ¹⁴, С. И. Баляева по этнопсихологическим особенностям мордвы¹⁵, В. В. Митиной по семиотике этнической культуры мордвы¹⁶. Особенности языковой ситуации в Республике Мордовия, в частности – проблемы развития национальных языков (эрзянского, мокшанского) посвящены публикации Н. В. Зиновьева, Н. П. Макаркина, М. В. Мосина, Д. Т. Надькина¹⁷.

¹⁰ Мокшин Н. Ф. Материальная культура мордвы. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 2002. 208с.; Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1993. 240с.; Мокшин Н. Ф. Мордовский этнос. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1989. 160 с.; Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1977. 279 с.; Мокшин Н. Ф., Лузгин А. С. Мордва: мокша и эрзя. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 2008. 271с.; Мокшин Н. Ф., Лузгин А. С. Мордовский народ в истории и культуре Российского государства. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 2012. 255с.; Смирнов И. Н. Мордва: историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. 296с.

¹¹ Абрамов В. К. Мордва: очерки национального движения. Saarbrücken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 396с.; Абрамов В. К. Мордвина вчера и сегодня: Краткие очерки истории мордовской государственности и национального движения. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 2002. 240с.; Абрамов В. К. Мордовский народ (1897 – 1939 гг.). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1996. 412с.; Абрамов В. К. Мордовский народ в первой половине XX века. Saarbrücken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 602с.; Абрамов В. К. По следу времени. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1991. 304с.; Абрамов В. К. Социально-политическая история мордовского народа (1897–1939 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история. Саранск, 1997. 519с.

¹² Мокшина Ю. Н. Брак и семья в обычном праве мордвы. Саранск, 2005. 256с.; Сушкова Ю. Н. Уголовный кодекс мордвы. Саранск, 2012. 126с.; Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 576с.; Маринова С. Ш. Правосознание мордовского народа: историко-культурный анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры. Саранск, 2007. 24с.

¹³ Абрамова О. В. Этнические процессы в среде мордвы Республики Мордовия в конце XX – начале XXI в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология. Саранск, 2012. 23 с.; Абрамова О. В. Этнические процессы в среде мордвы Республики Мордовия в конце XX – начале XXI в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология. Саранск, 2012. 239с.; Мокшина Е. Н. Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1998. 177с.

¹⁴ Киричѣк П. Н. Мордовская пресса и межнациональная проблематика: между должным, сущим и желаемым // Диагностика толерантности в средствах массовой информации : сб. ст. М., 2002. С.169-187; Мишанин Ю. А., Мишанина А. Ю. Национальная пресса в условиях рынка: обретения и потери (финно-угорский контекст) // Финно-угорский мир. 2012. №3/4. С.32-35; Мишанин Ю. А. Роль национальной периодической печати в становлении и развитии мордовских литературных языков // Журналистика Удмуртии: история и современность. Материалы Региональной межвузовской научно-практической конференции, посвященной 100-летию удмуртской национальной периодической печати, г. Ижевск, 15 февраля 2006 г. Ижевск, 2006. С.237-243.

¹⁵ Баляев С. И. Этническая идентичность эрзян и мокшан: опыт этнопсихологического анализа. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 108с.

¹⁶ Митина В. В. Семиотика этнической культуры мордвы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры. Саранск, 2012. 25с.

¹⁷ Зиновьев Н. В. Ступени роста: Проблемы, перспективы национальной школы и мордовской литературы. Саранск : НИИ языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия, 2001. 237с.; Макаркин Н. П. Неотложные меры по сохранению языков и культуры финно-угров России // Финно-угорский

Отдельные работы этнологов и историков посвящены другим этносам, проживающим в Республике Мордовия – русским, татарам, представителям народов Кавказа¹⁸.

Работа В. Ф. Разживина и И. В. Широковой представляет собой анализ демографических характеристик населения Мордовии конца XX – начала XXI вв. (численность, половозрастной и социальный состав, гендерные характеристики, структура семьи)¹⁹.

Что касается анализа конфессиональной истории на территории Мордовии, то необходимо отметить, что в советский период было не так много опубликованных работ, в которых в той или иной степени затрагивалась указанная проблематика. Часто в их основе лежали все те же тезисы о враждебности Русской православной церкви в отношении советской власти, противодействии проводимой ею политике в социально-экономической и социокультурной сферах в послеоктябрьский период, а также об успехах атеистической пропаганды среди населения Мордовии²⁰.

Большой вклад в изучение истории православия на территории Мордовии в общем контексте развития религиозной жизни мордовского народа отличаются научные труды Н. Ф. и Е. Н. Мокшиных. Еще в 1968 г. Н. Ф. Мокшин опубликовал книгу «Религиозные верования мордвы», в которой была подробно показана место и роль традиционных верований мордвы на разных этапах ее истории. В 1998 г. монография была дополнена собранными за прошедшие 30 лет новыми материалами и наблюдениями и переиздана. В нее были включены материалы Е. Н. Мокшиной, связанные с анализом религиозности мордовского населения в советский период, ростом влияния религии и церкви в связи с распадом Советского Союза, взаимодействием РПЦ

мир. 2012. №3/4. С.13-19; Мосин М. В. Современные языки финно-угорских народов России (состояние и перспективы развития мордовских языков) // Финно-угорский мир. 2012. №3/4. С.26-31; Мосин М. В. Эрзянский язык в национальной газете 1920–2008 гг. Монография. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – 244с.; Надькин Д. Т., Цыганкин Д. В. За фасадом мнимого благополучия // Надькин Т. Д. Встречи: публицистика. Саранск, 1998. С.69-82.

¹⁸ Аббас Али Хассон. Семейная обрядность татар-мишарей мордовского края в конце XIX – начале XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология. Саранск, 2007. 22с.; Акашкин М. М., Девяткина Т. П. Традиционные и современные свадебные обряды и песни татар-мишарей Республики Мордовия. Монография. Саранск, 2014. 142с.; Балашов В. А., Кулешова Г. П., Шилов Н. В. Русское население в Мордовии // Российский этнограф : сб. ст. М., 1993. С. 145–162; Мартыненко А. В., Надькин Т. Д. Кавказцы Республики Мордовия в контексте формирования межэтнической толерантности // Межнациональные отношения в Москве, в России в целом и на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы : сб. ст. М., 2012. С.118-120; Никонова Л. И., Шевцова А. А. Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия. Саранск, 2011. 224с.

¹⁹ Разживин В. Ф., Широкова И. В. Народ Мордовии: социокультурная динамика. (Первая четверть XX – начало XXI столетия). Саранск, 2007. 286с.

²⁰ Альмяшева Л. Н. К истории атеистического движения в Мордовии за годы Советской власти // Развитие атеизма в Мордовии : сб. ст. Саранск, 1972. С.62-78; Альмяшева Л. Н., Иткин С. М. Атеизм и становление социалистической обрядности в Мордовии // В братской семье: по матер. респ. науч.-практ. конференции «Мордовия в братской семье советских народов» : сб. ст. Саранск, 1981. С.234-237.

с национальным движением мордовского народа²¹. В дальнейшем разработка указанных вопросов получила свое логическое продолжение в авторской монографии Е. Н. Мокшиной «Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века», а также в совместном труде указанных авторов «Мордва и вера»²².

Работы Н. Ф. и Е. Н. Мокшиных дают возможность представить и оценить всю сложность, неоднозначность и противоречивость этноконфессиональных процессов в среде мордовского (мокши и эрзи) народа с древнейших времен до начала XXI столетия. Обоснованный научный интерес вызывает вывод Е. Н. Мокшиной, что религиозная жизнь мордвы со второй половины XIX и до начала XXI века испытала три качественных перелома: первый (дореволюционный) был связан с переходом от формального крещения к более глубокой, сущностной христианизации; второй (в условиях советского режима) сопровождался гонениями на религию, когда атеизация была возведена в ранг государственной политики; третий (постсоветский) ознаменован свободой вероисповедания и избавлением от атеистического прессинга²³.

Существенный вклад в освещение указанной выше темы внес А. И. Белкин, который в кандидатской диссертации дал анализ государственно-церковных отношений в Мордовской АССР с 1920-х до начала 1960-х гг.²⁴

В трудах культуролога С. Б. Бахмутова и историка В. И. Лаптуна представлена детальная картина деятельности органов власти в 1920-е – 1930-е годы по уничтожению монастырей и церквей как духовных центров на территории современной Республики Мордовия²⁵. Процесс ликвидации Саровской обители, являвшейся крупнейшим мужским монастырем России, рассмотрен в статьях В. А. Юрченкова²⁶. Отдельные вопросы, связанные с усилением гонений на РПЦ в конце 1920-х – 1930-х гг. в связи с проведением массовой коллективизации и раскулачивания затрагивались в публикациях Т. Д.

²¹ Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1998. 248 с.

²² Мокшина Е. Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века. Саранск, 2006. 306с.; Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Мордва и вера. Саранск, 2005. 532с.

²³ Мокшина Е. Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века. Саранск, 2006. С.254.

²⁴ Белкин А. И. Государственно-церковные отношения в Мордовии в 20-е – начале 60-х годов XX века (по материалам русского православия): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск, 1995. 230с.

²⁵ Бахмутов С. Б. Из истории духовной культуры Мордовского края: краеведческие очерки. Саранск, 2006. 176с.; Бахмутов С. Б. Монастыри Мордовии. Саранск, 2000. 976с.; Бахмутов С. Б. Монастыри Мордовии как историко-культурный феномен. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.04 – Прикладная культурология. Саранск, 2000. 212с.; Бахмутов С. Б. Православие в мордовском крае: историко-культурологический аспект. Саранск, 2006. 383с.; Бахмутов С. Б., Лаптун В. И. Разорванное ожерелье. Саранск, 1991. 256с.; Лаптун В. И. До основания... А зачем? // Саранские епархиальные ведомости. 1992. №IX. С.18-32; Лаптун В. И. Из истории провинциальной культуры. Саранск, 2010. 368с.

²⁶ Например: Юрченков В. А. Саровский монастырь: трудные 20-е годы // Саранские епархиальные ведомости. 1993. №VII-IX (строенный выпуск). С.54-95.

Надькина²⁷, а с освещением патриотического подвига РПЦ в годы Великой Отечественной войны – Н. Ф. Беляевой²⁸.

Различные аспекты деятельности Саранской и Мордовской епархии РПЦ в начале 2000-х гг. нашли отражение в публикациях экспертов Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов ИЭА РАН Н. В. Шилова (автора данного диссертационного исследования) и А. В. Мартыненко²⁹.

Необходимо признать, что история ислама на территории Мордовии изучена недостаточно. Например, в настоящее время умме (мусульманской общине) Республики Мордовия посвящено небольшое количество научных публикаций, в основном – статей. Так, различные аспекты жизни уммы РМ анализируются в статьях упомянутых выше экспертов Сети раннего мониторинга и раннего предупреждения конфликтов Института этнологии и антропологии РАН Н. В. Шилова и А. В. Мартыненко³⁰. В данных статьях

²⁷ Например: *Надькин Т. Д.* Антицерковная политика советского государства в годы довоенных пятилеток (по материалам Мордовии) // Научный православный взгляд на ложные исторические учения. Материалы совместной конференции Русского культурно-просветительского фонда имени Василия Великого и Института Российской истории РАН. М., 2011. С.482-490.

²⁸ *Беляева Н. Ф.* Деятельность Русской православной церкви в Мордовии в годы Великой Отечественной войны // Научный православный взгляд на ложные исторические учения. Материалы совместной конференции Русского культурно-просветительского фонда имени Василия Великого и Института Российской истории РАН. М., 2011. С.501-507.

²⁹ *Мартыненко А. В., Шилов Н. В.* Республика Мордовия. Перевод Нового Завета на эрзянский язык // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском Федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2006. №111. С.18-20; *Мартыненко А. В., Шилов Н. В.* Республика Мордовия. Социальная политика Саранской епархии РПЦ // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском Федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. №64. С.12-13; *Мартыненко А. В., Шилов Н. В.* Республика Мордовия. Фестиваль воинских искусств народов России // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском Федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. №100. С.11-13; *Шилов Н. В.* Влияние религии на межнациональные отношения и этнополитическую ситуацию в Мордовии // XXXI научная конференция преподавателей и студентов Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева: материалы выступлений. В 3 ч. Ч. 3. Саранск, 1993. С.8-10; *Шилов Н. В.* Конфессиональная толерантность в Республике Мордовия (на примере православно-исламского диалога) // Проблемы укрепления мира, межэтнического согласия на Северном Кавказе. Материалы V Международного Конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», г. Пятигорск, 8-12 октября 2007 г. Пятигорск, 2007. С.149-152; *Шилов Н. В.* Республика Мордовия. Канонизация адмирала Ушакова // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2001. № 19/20. С.13-15; *Шилов Н. В.* Республика Мордовия. Церкви в Дубравлаге // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. №63. С.8-12; *Шилов Н. В.* Современная сельская семья и религия // Бытовая культура мордвы : Тематический сб. науч. тр. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1990. С.134-142.

³⁰ *Мартыненко А. В.* Диалог шариатских традиций и светского государства на примере уммы Республики Мордовия // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтничном пространстве: исторический опыт и современность. Материалы Всероссийской науч.-практ. конф., г. Оренбург, 16 декабря 2011 г. Оренбург, 2012. С.116-122; *Мартыненко, А. В.* Мусульмане Мордовии: проблема преодоления внутреннего конфликта // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов ИЭА РАН. М., 2012. С.110-113.; *Мартыненко А. В.* Об исламском радикализме в Мордовии // ЕАWARN. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2007. №76. С.17-19; *Мартыненко А. В.* Православно-исламский диалог в Республике Мордовия: проблемы и перспективы // Общественно-

достаточно подробно раскрываются базовые направления работы духовных управлений мусульман (муфтиятов) Мордовии начала 2000-х гг., включая их культурно-просветительскую, социально ориентированную и культовую деятельность. При этом А. В. Мартыненко и Н. В. Шилов исходят из того, что позитивные и деструктивные процессы, происходящие в умме Республики Мордовия, необходимо анализировать в общем контексте развития современного российского ислама. Например, наличие соперничающих муфтиятов или деятельность представителей радикальных салафитских групп в Мордовии эти авторы оценивают как проявление в отдельном субъекте РФ деструктивных тенденций, характерных для российской уммы в целом.

Кроме того, названные авторы в соавторстве с С. В. Грачевым опубликовали аналитические материалы по проблемам межкультурного диалога ислама и православного христианства на территории Мордовии³¹. В данной работе формирование православно-мусульманского диалога прослеживается со второй половины XIX века; ярким и основным проявлением такого диалога С. В. Грачев, А. В. Мартыненко и Н. В. Шилов считают просветительское движение джадидов – мусульманской (в основном – татарской) интеллигенции Российской империи. С. В. Грачев, А. В. Мартыненко и Н. В. Шилов анализируют основные направления православно-мусульманского межконфессионального диалога в начале 2000-х гг. По их мнению, своеобразие данного явления в современной Мордовии заключается в том, что диалог между муфтиятами республики, с одной стороны, и Саранской и Мордовской епархией РПЦ, с другой, происходит, прежде всего, на организационной площадке вузов – Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева и

политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX – XX вв.): проблемы изучения : сб. ст. Казань, 2008. С.385-393; *Мартыненко А. В., Шилов Н. В.* Ислам на территории мордовского края // Материалы к энциклопедии «Православная Мордовия». Вып. IV. Саранск, 2004. С.91-96; *Мартыненко А. В.* Исламское возрождение в Поволжье в конце XX – начале XXI в. (на материалах Татарстана, Мордовии, Чувашии, Марий Эл) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 3(35). С. 62–70; *Мартыненко А. В., Шилов Н. В.* К вопросу об исламе в Республике Мордовия (постановка проблемы) // Культура и проблемы межэтнической коммуникации. Роль НКО в оптимизации межэтнических отношений : сб. ст. Нижний Новгород, 2002. С.173-176; *Мартыненко А. В., Шилов Н. В.* Республика Мордовия. Ислам: традиции и перспективы // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском Федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов ИЭА РАН. 2002. №36. С.12-14; *Мартыненко А. В., Шилов Н. В.* Республика Мордовия. Образование третьего муфтията // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском Федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов ИЭА РАН. 2008. №143. С.14-16; *Мартыненко А. В., Шилов Н. В.* Социокультурные и этнополитические особенности ислама в Республике Мордовия // Сборник русского исторического общества. Россия и мусульманский мир. М., 2003. С.226-233; *Шилов Н. В.* «Нескрытая угроза»: салафийя в России // Этничность и власть: коллективная память и технологии конструирования идентичности. Материалы XII Международного семинара, г. Ялта, 20-25 мая 2013 г. Севастополь, 2013. С.88-91; *Шилов Н. В.* Современные этнокультурные проблемы татар в Республике Мордовия // Нации и регионы в истории и культуре России : сб. ст. Саранск, 2003. С.76-82; *Martinenko A., Shilov N.* Islamic Radicalism in Volga Region: Myth or Reality? // *Lo Straniero*. Naples, Italy. 2006. №43. P.29-30; *Martinenko A., Shilov N. V.* Social and Cultural Aspects of Regional Islam in Russia. On the Example of the Republic of Mordovia // *Lo Straniero*. Naples, Italy. 2003. №37. P.38-39.

³¹ *Грачев С. В., Мартыненко А. В., Шилов Н. В.* Православное христианство и ислам в Мордовии: проблемы межкультурного диалога. М. : ИЭА РАН, 2005. 35с.

Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева. Православно-христианскому межконфессиональному диалогу в России, в целом, и в Мордовии, в частности, также посвящено диссертационное исследование, монография и научные статьи Е. Н. Ефремова³². Отметим, что особенности православно-исламского и, шире, христианско-исламского межкультурного диалога анализировались в работах А. В. Журавского, Ж. Корма, Б. Люиса³³.

Драматическая история преследований мусульман Мордовии советского периода анализируется в статье А. И. Белкина, который на основе архивных материалов раскрывает масштабы и характер политики ограничений в отношении исламской религии, проводимой властями МАССР во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.³⁴ По мнению А. И. Белкина, эта политика проявлялась, в первую очередь, в многочисленных препятствиях, которые советские и партийные власти Мордовии чинили мусульманам-татарам республики в деле отправления ими религиозного культа.

Кроме того, в 2009 – 2011 гг. в Саранске был защищен ряд кандидатских диссертаций по современной умме Республики Мордовии – от социологического анализа конфессиональной принадлежности татар РМ до проявлений салафитского экстремизма в рассматриваемом регионе.³⁵

³² *Ефремов Е. Н.* Основные тенденции мусульманского возрождения в Приволжском Федеральном округе // Сборник научных трудов Казанского архитектурно-строительного университета. Казань, 2009. С.194-198; *Ефремов Е. Н.* Православные и исламские молодежные общественные объединения в Республике Мордовия: значение, проблемы и перспективы // Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная И. А. Анненкову (15 декабря 2010 г.) : сб. ст. Самара; Инза, 2010. С.115-121; *Ефремов Е. Н.* Русская Православная церковь и российская умма: основные направления социального партнерства и межконфессионального диалога в постсоветский период : монография. Саранск, 2014. 184с.; *Ефремов Е. Н.* Социально-гуманитарное поликультурное образование России в контексте православно-мусульманского диалога (глава в коллективной монографии) // Социально-гуманитарное образование как методологическое основание устойчиво развивающегося социума (в контексте синергично-антропологической парадигмы): коллективная монография. Саранск, 2011. С.31-43; *Ефремов Е. Н.* Русская Православная церковь и российская умма: основные направления социального партнерства и межконфессионального диалога в постсоветский период. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история. Саранск, 2012. 23с.; *Ефремов Е. Н.* Русская Православная церковь и российская умма: основные направления социального партнерства и межконфессионального диалога в постсоветский период. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история. Саранск, 2012. 182с.

³³ *Журавский А. В.* Христианство и ислам: Социокультурные проблемы диалога. М. : Наука, 1990. 127с.; *Корм Ж.* Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. М. : Ин-т Общегуманитарных Исследований, 2012. 288с.; *Lewis B.* Islam and the West. N.Y.; Oxford : Oxford university press, 1993. IX, 217р.

³⁴ *Белкин А. И.* Исламские религиозные общины в первое послевоенное десятилетие (1945–1955) // Духовное состояние региона: состояние и перспективы : сб. ст. Саранск, 2005. С.121-129.

³⁵ *Бареев М. Ю.* Конфессиональная ситуация в татарском этносе Республики Мордовия: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саранск, 2009. 31с.; *Девятаев А. С.* Ислам в Республике Мордовия в 1990-е – начале 2000-х гг. (социокультурный и этнополитический аспекты развития): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск, 2010. 24с.; *Постнов А. В.* Нетрадиционные течения в мусульманской общине (умме) Российской Федерации в 1990-е – начале 2000-х гг.: историко-политический анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск, 2011. 22 с.

Отдельные статьи по исламу в Мордовии опубликовали представители татарской уммы республики. Среди этих публикаций особый интерес представляют статьи М. Ш. Салимова, который анализирует процессы «исламского возрождения» среди татар РМ. Несмотря на то, что М. Ш. Салимов является сотрудником Духовного управления мусульман РМ, его позиция по организационному расколу уммы Мордовии носит достаточно взвешенный характер; в частности, он дает вполне, на наш взгляд, корректную характеристику Региональному духовному управлению мусульман РМ, который был основным «конкурентом» ДУМ РМ в 2000 – 2008 гг. (вплоть до образования третьего муфтията – ЦДУМ РМ)³⁶.

На сегодняшний день приходится констатировать, что научные публикации о различных религиозных меньшинствах Мордовии малочисленны и представлены небольшими статьями по некоторым протестантским общинам³⁷, кришнаитам³⁸, иудаистам³⁹, езидам (курдам-зороастрийцам)⁴⁰, бахаи⁴¹, а также по сторонникам мордовского (прежде всего, эрзянского) язычества⁴². Конфессиональные меньшинства Мордовии остаются крайне малоизученным феноменом и, образно выражаясь, все еще ждут своего исследователя. Данная диссертация призвана отчасти восполнить данный пробел.

В 1990-е – 2010-е гг. были опубликованы работы, представляющие собой попытки обобщить этноконфессиональную ситуацию в Мордовии постсоветского периода, выявить ее особенности и закономерности развития.

³⁶ Салимов М. Ш. Процесс формирования централизованных мусульманских организаций в Республике Мордовия // Социально-демографические проблемы Поволжья в этническом измерении : сб. ст. Саранск, 2007. С.298-301; Салимов М. Ш. Радикальное салафитское движение в Мордовии: история возникновения, последствия деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №6-2 (44). С.160-163; Салимов М. Ш. Тенденция развития мусульманской общины Мордовии в 90-х гг. XX в. // Историко-культурные аспекты полиэтничных регионов России : сб. ст. Саранск, 2006. С.322-325.

³⁷ Асанова Ю. Ш. Деятельность мокше-эрзянской лютеранской церкви в Мордовии // Проблемы истории, культуры и права : сб. ст. Саранск, 2001. С.45-48; Шилов Н. В. Мордовская (мокша-эрзянская) лютеранская церковь // Материалы к энциклопедии «Православная Мордовия». Вып. IV. Саранск, 2004. С.160-162; Асанова Ю. Ш., Шилов Н. В. О деятельности религиозной организации «Свидетели Иеговы» // Проблемы истории, культуры и права: сб. ст. Саранск, 2002. С.18-22.

³⁸ Мартыненко А. В., Шилов Н. В. Республика Мордовия. Неиндуистская община в Саранске // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском Федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. №103. С.7-8.

³⁹ Мартыненко А. В., Шилов Н. В. Республика Мордовия. Зарегистрирована еврейская религиозная община // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском Федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. №104. С.11-12; Мартыненко А. В. К вопросу о положении нехристианских конфессиональных меньшинств в Республике Мордовия // Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты : сб. ст. Севастополь, 2008. С.122-126.

⁴⁰ Мартыненко А. В., Шилов Н. В. Республика Мордовия. Община езидов // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском Федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. №134. С.8-9.

⁴¹ Мартыненко А. В. Бахаи в России // Вестник Евразии. 2006. №1(31). С.124-144.

⁴² Макаревич Н. С. Проявление неоязычества в Республике Мордовия // Проблемы истории, культуры и права : сб. ст. Саранск, 2001. С.48-51.

Помимо монографии автора данного диссертационного исследования⁴³, здесь также необходимо отметить публикации О. А. Богатовой, В. В. Козина, А. И. Сухарева, А. К. Моисеева⁴⁴.

Целью исследования является комплексный анализ политической ситуации, выявление влияния этнического и религиозного факторов на политическую ситуацию в Республике Мордовия, анализ динамики и направленности этноконфессиональных процессов в Республике Мордовия.

Цель исследования определила следующие **задачи**:

- анализ теоретических подходов к изучению этничности и религиозности и влиянию последних на политическую ситуацию;
- анализ предпосылок и характерных черт политического кризиса в республике в второй половины 1980-х – начала 1990-х гг.;
- выявление основных особенностей этнополитического транзита Республики Мордовия в постсоветский период;
- определение роли государства и общественных структур в формировании региональной модели этнополитического транзита в Мордовии, включая как политические изменения, так и изменения в характере миграционных процессов и в этнодемографической ситуации;
- определение основных этапов формирования и трансформации национально-культурных движений в Республике Мордовия и определение существенных отличий этих этапов;
- выявление и анализ роли религиозного (конфессионального) фактора в политических процессах в Республике Мордовия.

Источниковая база исследования. Исследование опирается на широкую эмпирическую базу, включающую в себя следующие источники.

Во-первых, это нормативно-правовые акты, оказавшие и оказывающие большое влияние на формирование этнополитической и этноконфессиональной ситуации в Республике Мордовия. К данным актам относятся как законы

⁴³ *Шилов Н. В.* Этнополитическое развитие Мордовии в условиях постсоветского транзита : монография. Саранск, 2014. 264с.

⁴⁴ *Богатова О. А.* Гармонизация межэтнических отношений в региональном социуме. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. 340с.; *Богатова О. А.* Гармонизация этносоциальных отношений в полиэтничном регионе. Саранск : НИИ регионалогии, 2004. 87с.; *Богатова О. А.* Мониторинг в области повышения эффективности деятельности средств массовой информации Республики Мордовия: аналитический доклад Научного центра социального-экономического мониторинга Республики Мордовия. Саранск, 2008. 49с.; *Богатова О. А., Козин В. В., Сухарев А. И., Шилов Н. В.* Религиозные организации и межконфессиональные отношения в Республике Мордовия // Бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия. 2004. № 12. 31с.; *Богатова О. А.* Республика Мордовия. Динамика этносоциальной структуры населения // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. № 102. С.12-16; *Богатова О. А.* Социальные факторы межэтнического и межконфессионального согласия в политическом регионе : монография. Саранск, 2014. 159с.; *Богатова О. А.* Тенденции развития межконфессиональных отношений в современной России и проблема межконфессиональной толерантности // Социология гармонизации общественных отношений. Саранск, 1997. С.50-54; *Богатова О. А.* Этноконфессиональная ситуация в Мордовии // Гармонизация межконфессионального сотрудничества народов России : сб. науч. ст. Саранск, 1996. С.29-32.

федерального значения, включая Основной закон – Конституцию РФ⁴⁵, так и отдельные республиканские законы, связанные с рассматриваемой проблематикой⁴⁶. Данные законодательные акты стали важнейшей и неотъемлемой частью постсоветского российского законодательства, новой политико-правовой культуры, в целом, связанной с формированием нового Российского государства и его составных частей-субъектов (в нашем случае – Республики Мордовия). В целом, здесь необходимо отметить, что в Российской Федерации на сегодняшний день накоплена достаточно солидная нормативно-правовая база, регулирующая этнокультурное развитие народов страны. В частности, этнокультурные общественные объединения России, в том числе и Республики Мордовия, действуют на основе Федеральных законов от 17 апреля 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»⁴⁷ и от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»⁴⁸.

Во-вторых, это опубликованные справочные и статистические сведения. Прежде всего, это разнообразная статистика, опубликованная Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия в виде статистических сборников, а также на официальном сайте указанной организации (режим доступа: mrd.gks.ru). Материалы Мордовиястата являются серьезным подспорьем для исследователя при анализе социально-экономических, демографических, миграционных процессов, происходящих в республике на протяжении 1990 – 2000-х гг.

В диссертации также широко использованы данные этносоциологических исследований. По Республике Мордовия такими источниками служат итоги анкетных опросов «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии», проведенных Научно-исследовательским институтом «Регионология» при Мордовском государственном университете. Данные исследования, проводившиеся в 1994, 1995, 1999, 2002 гг., позволяют проследить динамику протекающих в регионе этносоциальных и этнополитических процессов.

⁴⁵ См., например: Конституция Российской Федерации. М. : Феникс, 2015. – 63 с.; Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Режим доступа: минобрнауки.рф/документы/2974 (дата обращения: 20.12.2017).

⁴⁶ См., например: Конституция Республики Мордовия (принята 21 сентября 1995 г.; с изменениями от 28 февраля, 27 ноября 1997 г., 7 октября, 17 декабря 1999г., 9 ноября 2000 г., 5, 10 января, 28 мая, 12 ноября 2001 г., 28 января 2004 г., 30 марта, 23 декабря 2005 г., 26 апреля, 26 июня, 5 октября, 1 декабря 2006 г., 3 мая, 13 сентября 2007 г., 26 марта, 20 мая 2008 г., 17 ноября 2009 г., 13 мая 2010 г., 15 марта 2011 г.) // Республика Мордовия. Официальный сайт органов государственной власти РМ. Режим доступа: www.e-mordovia.ru/content/view/7 (дата обращения: 20.12.2017).; Закон Республики Мордовия «О государственных языках Республики Мордовия» № 19-3 от 6 мая 1998 г. Режим доступа: gus-gos.spbu.ru/public/files/.../12_5391ba1e366c0.pdf (дата обращения: 20.12.2017).; Закон Республики Мордовия «Об образовании в Республике Мордовия» № 53-3 от 8 августа 2013. Режим доступа: docs.cntd.ru/document/460173602 (дата обращения: 20.12.2017).

⁴⁷ См.: Федеральный закон от 17 апреля 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Режим доступа : base.garant.ru/135765/ (дата обращения: 20.12.2017).

⁴⁸ См.: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». Режим доступа : www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 20.12.2017).

Большую ценность для изучения этнодемографических аспектов проблемы, выявления этнической идентификации представляют материалы Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

Кроме того, обширный материал содержат фундаментальные справочные издания по Мордовии, опубликованные научными коллективами или отдельными авторами в последние десятилетия⁴⁹.

В-третьих, это материалы периодической печати. Необходимо отметить, что печатные СМИ Республики Мордовии весьма разнообразны: здесь можно встретить периодические издания всех видов – от «официальных», отражающих позицию руководства республики («Известия Мордовии», «Мордовия – семь дней», «Республика молодая»), которым приближаются по общей своей тональности отдельные национальные издания («Сятко», «Юлдаш»), до популярных еженедельников, приближающихся по подборке материала, уровню и стилистике его подачи к «желтой прессе» («Вечерний Саранск», «Столица С»). Конфессиональная периодика Мордовии представлена немногочисленными православными («Саранские епархиальные ведомости») и исламскими («Ислам в Мордовии», «Молитва Дога») изданиями. Пожалуй, единственным устойчивым «рупором» оппозиционной прессы была и остается газета Фонда спасения эрзянского языка «Эрзянь Мастор». Большинство периодических изданий Республики Мордовия располагают интернет-версиями.

В-четвертых, это источники личного характера, а именно-полевой материал автора данного диссертационного исследования, представляющий собой результаты анкетирования и предметных опросов по этнокультурной тематике жителей ряда сел Республики Мордовия, выбранных по этническому принципу: русского села Демина Поляна Краснослободского района РМ (опрос проводился в 1997 г.), мокшанского села Старое Синдрово Краснослободского района РМ (опрос проводился в 1998 г.), эрзянского села Сабаево Кочуровского района РМ (опрос 2001 г.), татарского села Акчеево Ельниковского района РМ (2003 г.).

Методология и методика исследования.

В методологическом отношении работа опирается на конструктивистское понимание природы этничности⁵⁰, поскольку любые социальные сообщества,

⁴⁹ См.: Всё о Мордовии: Система государственной власти. Республика Мордовия на географической карте. Города и села. Вехи истории. Деловая Мордовия. Социальная сфера. Культура. Религия : энцикл. справ. / отв. ред. Н. С. Крутов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2005. 836 с.; Всё о Мордовии : энцикл. справ. / сост.: Е. М. Голубчик, В. С. Ионова, А. С. Лузгин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1997. 720 с.; Мокшин Н. Ф. Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2004. 316 с.; *Его же*. Этническая культура мордвы : этногр. справ. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2002. 206 с.; Мордовия: Кто есть кто : энцикл. слов.-справ. / сост. П. Д. Грузнов. Саранск, 2002. 592 с.; Мордовия : энцикл. : в 2 т. / гл. ред. А. И. Сухарев. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2003. Т. 1. 570 с.; 2004. Т. 2. 699 с.; Мордовия, XX век. Культурная элита : энцикл. справ. : в 2 ч. / отв. ред. В. А. Юрченков. Саранск, 2010. Ч. 1. 416 с.; 2013. Ч. 2. 400 с.; Мордовская мифология : энцикл. : в 2 т. / отв. ред. В. А. Юрченков. Саранск, 2013. Т. 1. 482 с.; Т. 2; Народы Поволжья и Приуралья : Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред. Н. Ф. Мокшин. М. : Наука, 2000. 578 с.

⁵⁰ См.: *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003; *Ethnicity* / ed. by John Hutchinson & Antony D. Smith. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1992; *Ethnicity*:

включая этнические группы, являются своего рода социальными конструктами, ибо их культурные особенности и образ жизни сложились в результате длительного процесса социальной эволюции, а устойчивость форм культурной жизни обеспечивается путем трансляции этих форм от поколения к поколению в процессе социализации. Безусловно, природные условия оказывали и оказывают существенное влияние на специфику культуры и не случайно поэтому, что культуры всегда локальны, т.е. сформировались в определенном природном ландшафте. Но природное окружение есть лишь условие для жизнедеятельности группы и формирования ее культуры. Сама же культура есть плод коллективных усилий группы. При этом культуры меняются во времени, а границы между группами могут быть весьма условными и подвижными.

Начиная с 80 – 90-х гг. XX в. ведутся активные дискуссии сторонников и противников «критики» теоретических оснований наук о культуре. Их суть сводится к обсуждению необходимости универсализации значений «этничности» и «культуры» в различных академических дискурсах и говорить о необходимости отказаться от отражаемого в этих понятиях одностороннего (западного) понимания их сути, диктуемого абсолютизацией ценностей гражданского общества. Развернутый критический анализ «этничности» и «культуры», в частности, представлены в работах В. А. Тишкова, С. В. Соколовского и целого ряда других исследователей, который так или иначе учтен в данном исследовании.

Признавая социальную природу этничности, мы, тем не менее, не ограничиваемся только конструктивистским подходом, а принимаем во внимание и этносимволические теории, поскольку, несомненно, что этничность есть форма культурного позиционирования как на личностном, так и на групповом уровнях.

Свою трактовку этничности дает этносимволизм, полагающий, что в основе нации лежит относительно древняя история и национальное самосознание.⁵¹ Согласно этносимволизму, ещё в доиндустриальную эпоху возникло множество этнических сообществ, представлявших собой население с общими элементами культуры, историческими воспоминаниями, мифами о предках и обладавшими определённой мерой солидарности. Границы этнических территорий не были чётко обозначены. Поскольку мифы, символы, воспоминания и ценности переносятся медленно меняющимися элементами материальной культуры и жизнедеятельности человека, то этнические сообщества долговечны, и многие из них сохранились до сих пор.

Theory and Experience / ed. by Nathan Glazer and Daniel P. Moynihan. Cambridge, 1976; Theories of Ethnicity: A Classical Reader / ed. by W. Sollors. New York : New York UP, 1996; *Spencer St.* Race and Ethnicity: Culture, Identity and Representation. London ; New York, 2006.

⁵¹ См.: *Smith A. D.* Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. New York : Routledge, 2009.

Но поскольку в центре нашего внимания находятся этнополитические процессы, постольку важно отметить еще один существенный момент, связанный с восприятием этничности. Не вызывает сомнений, что этничность – это, прежде всего, культурное явление, «форма социальной организации культурных различий»⁵². Но при этом в отечественной и зарубежной литературе достаточно много внимания уделено анализу процессов политизации этничности. Здесь также возможны различные подходы и толкования. Одни исследователи строят свои заключения на основе дискурса *этничность и национализм*. При этом они полагают, что этничность носит устойчивый и надситуационный характер, хотя такой характер, как замечает этнолог Ю. П. Шабаетв, должен ограничивать возможности политического манипулирования этничностью. Сторонники названного подхода, так или иначе, настаивают на том, что этничность служит *основанием* для получения власти, обретения политического статуса этнической группой. Приверженцы другого подхода полагают, что этничность есть лишь *инструмент*, с помощью которого обретается власть, ведется борьба за ресурсы и осуществляется культурная и политическая конкуренция между группами и их элитами⁵³. Иными словами, сторонники второго подхода склонны рассматривать этничность как специфический политический ресурс, значение которого может меняться с течением времени, но особенно значимым может быть в сложных, неоднородных сообществах. Мы склонны согласиться именно с данной трактовкой роли этничности в политических процессах.

Этнополитический анализ концентрирует внимание на политизированных и институционализированных формах презентации этничности, а также на проблеме взаимодействия между государством и этническими сообществами, поэтому необходимо обратить внимание на деятельность различных институтов создаваемых для удовлетворения интересов этнических сообществ и регулирования отношений между ними и государством. Названные институты формируются с одной стороны государством, с другой – культурными группами и/или создаются обеими названными сторонами совместно.

Институтов этнополитики сегодня довольно много, и их многообразие объясняется не только тем, что они формируются обеими сторонами политического взаимодействия, но и тем, что функции этих институтов различны. Именно функционалисты ввели в научный оборот само понятие «институт» и именно они, начиная с Б. Малиновского, подчеркивали роль социальных институтов как регуляторов моделей поведения и определяли их

⁵² См.: *Тшиков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. С. 105.

⁵³ См.: *Шабаетв Ю. П.* Политология в России: формирование учебной дисциплины // Политическая наука. 2011. № 1. С. 47–63.

значение (функцию) через удовлетворение разнообразных потребностей человека.⁵⁴

В этой связи в нашем теоретическом арсенале неизбежно оказывается институциональный, а в большей мере – неоинституциональный подход, поскольку первый опирается на два постулата: а) конкретность изучаемых институтов; б) независимость существования законов, формальных норм и их влияния на политическую систему. А второй – неоинституциональный подход – включает не только описание институтов, но анализирует их неформальные структуры, результаты деятельности и поведение политических субъектов⁵⁵. По замечанию, одного из крупнейших теоретиков институционализма Д. Норта, институты есть своего рода правила игры в обществе, ибо они определяют рамки взаимодействия, структурируют это взаимодействие и поэтому снижают неопределенность в социуме, а также способствуют выбору жизненных ориентиров и создают систему взаимодействия между людьми⁵⁶.

Что касается конкретных методов исследований, то применяемый методический арсенал довольно широк и включает, прежде всего, этнографические наблюдения и интервьюирование, методы статистического анализа, социологические методы (массовые и экспертные опросы), сравнительно-исторический метод и некоторые другие.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что данная работа представляет собой первую попытку комплексного научного анализа этнополитической и этноконфессиональной ситуации, сложившейся в Республике Мордовия в постсоветский период.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Диссертационное исследование имеет теоретико-методологический и прикладной характер.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в опыте системного обобщения основных тенденций развития Республики Мордовия 1990-х – начала 2000-х гг. в контексте этнополитической и этноконфессиональной ситуации, сложившейся в России постсоветского периода.

Прикладная значимость проведенного исследования во многом обусловлена его темой, неразрывно связанной с целым рядом актуальных проблем современной этнологии. Результаты и материалы исследования могут использоваться при разработке учебных курсов по этнологии, социологии, политологии, истории Отечества и ряда других дисциплин.

Основные положения, выносимые на защиту:

⁵⁴ См.: *Малиновский Б.* Научная теория и культура. Предисловие А. Байбурина. М.: ОГИ, 1999.

⁵⁵ См.: *Попов П. В.* Институты и институциональные практики: проблема концептуализации // Вестник Пермского университета. Сер. «Политология». 2010. Вып. 4 (12); *Питерс Б. Г.* Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.

⁵⁶ См.: *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

1. Общероссийские кризисные явления 1990-х, в полной мере затронувшие Мордовию, привели эту небольшую поволжскую республику не только к затяжному экономическому спаду и общему ухудшению уровня жизни ее населения, но и (как следствие) к росту преступности, сокращению рождаемости и миграционному оттоку населения, активизации борьбы различных политических сил, особенно очевидно проявившейся в начале 1990-х годов. Соответственно, экономический подъем, наметившийся в Мордовии в начале 2000-х гг., привел к политической стабилизации (ослаблению оппозиции республиканской власти), некоторому улучшению демографической обстановки в республике и изменению роли и влияния этнического и религиозного факторов в местной политической жизни. Однако в какой мере экономический подъем и политическая стабилизация оказали влияние на этнополитическую ситуацию и этнополитические процессы не вполне ясно, но мы полагаем, что прямой связи здесь нет и экономическая стабилизация лишь опосредованно влияет на этнополитические процессы и явления и, кроме того, общая политическая ситуация может оказывать существенное влияние на этнополитическое развитие лишь в том случае, если этнические элиты тесно интегрированы в политические. В этой связи принципиально важно выяснить, достаточен ли тот уровень интеграции политических и этнических элит, который наблюдается в Мордовии для решающего влияния на развитие этнополитических процессов, для поддержания общей социальной и межэтнической стабильности.

2. Определенное, но меняющееся влияние на этнополитическую ситуацию в Республике Мордовия оказывают региональные СМИ и, в меньшей степени, интернет-ресурсы. Последние, оставаясь зоной свободных дискуссий и расширяя свое значение как канала коммуникации, тем не менее, не меняют общего характера информационных процессов в республике. Необходимо констатировать, что подавляющая часть действующих в РМ СМИ лояльна республиканскому руководству; оппозиционная и независимая периодика (и независимые информационные ресурсы) в современной Мордовии не получила значительного развития, что находит отражение в политических ориентациях и предпочтениях населения региона. И, тем не менее, оппозиционная пресса в Мордовии осталась, у нее довольно большой опыт информационного воздействия на настроения населения в целом и отдельных этнических групп – в частности. Поэтому важно определить, почему официальные СМИ в последние годы оказываются более конкурентоспособными на информационном поле в освещении проблем этнополитики, нежели оппозиционные издания.

3. На протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. произошла существенная трансформация этнокультурных и этнополитических движений мордовского (мокша и эрзя) и татарского этнических сообществ, сформировавшихся в Республике Мордовия. В первой половине 1990-х гг. большинство указанных движений выступало с политизированными требованиями, которые зачастую

сопровождались критикой республиканских властей (хотя необходимо отметить, что даже в этот период сепаратистские лозунги в Мордовии фактически не выдвигались). Во второй половине 1990-х гг. и, особенно, в начале 2000-х гг. большинство этнокультурных и этнополитических движений мордвы и татар встали на путь сотрудничества с руководством РМ, что, в немалой степени, было обусловлено поддержкой данных движений со стороны республиканской власти. Важную роль в данной трансформации сыграли и Национально-культурные автономии (НКА). В этой связи возникает серьезная этнополитическая проблема, требующая анализа. Полное подчинение этнокультурных и этнополитических движений в Мордовии властям, очевидно, порождает и некую неудовлетворенность их деятельностью, ибо запрос на более радикальное отстаивание интересов отдельных этнических групп существовал раньше, существует и ныне, но способен ли он реализоваться в легитимных формах (создании альтернативных этнических организаций) или неизбежно выталкивает радикально настроенных этнических активистов в «этническое подполье»?

4. В конце 1980-х – начале 2000-х годов Республика Мордовия (как и все российское общество, в целом) переживает процессы религиозного возрождения. Прежде всего, это выразилось в быстром усилении влияния в республике Русской православной церкви, которая стала пользоваться масштабной поддержкой со стороны политической и экономической элиты Мордовии. Второй по влиянию конфессией в Мордовии стала умма (мусульманское сообщество), организационным ядром которой стали татары республики. Кроме того, в РМ активизировалась деятельность многочисленных протестантских организаций, а также ряда других конфессий (кришнаиты, бахаи, иудаисты, езиды). Однако важно понять, насколько стабильны межконфессиональные отношения в Мордовии и не является ли декларируемый властями межконфессиональный мир иллюзией, есть ли некая почва для потенциальных межконфессиональных конфликтов в РМ.

5. Несмотря на общую позитивную картину в социально-экономическом развитии Мордовии и на очевидное отсутствие серьезных проблем в межэтническом и межконфессиональном взаимодействии, между различными этническими и этноконфессиональными группами, проживающими в регионе, здесь есть и потенциальные риски. Один из наиболее очевидных связан именно с этноконфессиональным развитием этой территории. В последние годы появились определенные явления, которые позволяют говорить о возможной радикализации отдельных конфессиональных групп и сообществ (салафиты и часть мусульманской уммы республики, национал-радикальная организация «Фонд спасения эрзянского языка»), а, следовательно, и о возможном изменении характера этноконфессионального и этнополитического взаимодействия в Мордовии. Очевидно, что это требует корректировки региональной национальной политики, но насколько осознаются властями

республики возможные риски и насколько они готовы корректировать не декларативную, а реальную этнополитику, есть серьезный вопрос, на который не существует однозначного ответа.

6. Мы полагаем, что, несмотря на ряд деструктивных тенденций (православно-протестантские противоречия; организационный раскол в умме РМ; проникновение в республику салафитов и отдельных тоталитарных религиозных организаций), этноконфессиональная ситуация в современной Мордовии, в целом, остается стабильной и пока нет условий для того, чтобы эта стабильность была нарушена.

Апробация результатов исследования

Полученные в диссертационном исследовании результаты апробированы в 1999 – 2017 гг. на всероссийских и международных конференциях в Москве, Екатеринбурге, Ижевске, Казани, Нальчике, Нижнем Новгороде, Омске, Петрозаводске, Саранске, Сочи, Ялте, а также в Анталии (Турция), Аяччо (Корсика), Подгорице (Черногория), Ренне (ФРГ), Тунисе (Тунис).

Положения диссертации нашли отражение в статьях автора, опубликованных в научных сборниках и научных периодических изданиях Москвы, Йошкар-Олы, Коломны, Нижнего Новгорода, Пятигорска, Саранска, Севастополя, Симферополя, а также Неаполя (Италия).

Региональные аспекты исламо-христианского диалога, непосредственно связанные с темой представленной диссертации, автор исследовал в рамках коллективного гранта (№ КТК 400-2-02; 2003 – 2004 гг.) «Православное христианство и ислам на территории Мордовии: проблемы диалога (конец XIX – XX вв.)» в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», которая осуществляется российской благотворительной организацией АНО «ИНО – Центр (Информация. Наука. Образование)» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом имени Кеннана (США) при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. И Кэтрин Т. МакАртуров (США), Института «Открытое общество». Материалы диссертационной работы были также апробированы автором в ходе преподавания курса «Этнология» на факультете истории и права Мордовского государственного педагогического института имени М.Е. Евсевьева (г. Саранск).

Структура диссертации подчинена цели и задачам исследования и включает в себя введение, четыре главы, заключение, библиографический список, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, формируются цель и задачи исследования, обозначается научная новизна, излагаются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретико-практическая значимость работы.

В первой главе – **«Этнополитический транзит в постсоветской России: основные тенденции развития»** – представлен анализ особенностей развития этнополитических процессов и этнонациональной политики в России переходного периода от распада СССР к постсоветской РФ 1990-х – 2000-х гг.

В параграфе 1.1 – **«Особенности федеральной этнонациональной политики в России: от распада СССР к реалиям XXI столетия»** – прослеживаются основные тенденции в постепенном изменении национальной политики Российского государства конца XX – начала XXI вв.

Полиэтнический характер России обусловлен многовековой историей ее государственности. И во многом благодаря таким историческим обстоятельствам еще со времен формирования централизованного государства (Московского царства) власть стала обращать внимание на национальные, религиозные особенности населения и учитывать их. В целом, Россия приобрела ценный и богатый опыт выстраивания отношений государства с меньшинствами, в том числе на правовой основе. С другой стороны, непоследовательность, а порой – и внутренняя противоречивость национальной политики Российской империи получила свое продолжение в советский период отечественной истории. Так, большевики, придя к власти, изначально провозгласили установку на право народов на самоопределение вплоть до сепарации и создания собственного государства. Но принятая ими декларация равноправия народов сопровождалась оговорками, осуждающими «буржуазный национализм». При этом любая форма национально-культурной автономии осуждалась и наоборот – поощрялся курс, направленный на слияние малых народов с крупными «социалистическими нациями». В итоге в СССР была сформирована федерация, неразрывно связанная с этничностью, поскольку границы ее субъектов определялись (причем, необходимо признать – весьма произвольно) компактным расселением той или иной этнической группы.

В условиях кризиса советской политической системы второй половины 1980-х гг. началась масштабная ревизия основ прежней этнополитики. Однако наиболее решительно и глубоко переформатирование этнополитики осуществлялось уже в условиях постсоветского политического транзита и шло, прежде всего, по линии укрепления ее доктринальных основ, обеспечения правовой основы государственной национальной политики. При этом главным вектором изменений, как на доктринальном уровне, так и на уровне механизмов реализации, было последовательное укрепление интеграционной сущности этнополитики. Ситуация в России 1990-х гг. характеризовалась, с одной стороны, ростом межэтнического противостояния и конфликтов, а с

другой – активной политизацией этничности. Мобилизованная этничность находила выражение в политических практиках региональных властей, закрепляясь в законодательных актах, декларациях этнополитических организаций. Именно поэтому усиление политической роли федерального центра, связанное с приходом во власть В. В. Путина, в том числе приведение региональных законов в соответствие с федеральным законодательством, создание небезызвестной «вертикали власти» стали закономерными и, подчеркнем, жизненно важными для страны тенденциями. Действительно, в «нулевые» годы РФ из непрочной договорной федерации превратилась в конституционную федерацию с сильной федеральной (читаем – центральной) властью. Без преувеличения, спасительной для современного российского государства и российского социума стала небезызвестная формула единства в многообразии, в контексте которой Россия и гражданская общность россиян основывает свою целостность, создавая государство, децентрализованное на принципах федерации, а также административной и культурной автономий. Именно политика культурного плюрализма на двуязычной или многоязычной основе представляется наиболее перспективной для обновления и укрепления страны.

В параграфе 1.2 – «**Региональные модели этнополитики в России**» – анализируются региональные аспекты этнополитического транзита в РФ, в первую очередь – на примере Среднего Поволжья, в целом, и Республики Мордовия, в частности.

Собственно региональные модели этнополитики в Российской Федерации, формировались в 1990-х – начале 2000-х гг. в условиях новых геополитических реалий, когда «окончание «холодной войны» и демонтаж авторитарных режимов в Европе привели к «освобождению этничности» от государственного контроля и актуализации этнополитических движений, в идейных позициях которых этничность и гражданственность нередко противопоставлялись. Именно этот период можно считать начальным этапом современного этнополитического транзита как в Мордовии, так и в других российских республиках. Важнейшей особенностью начального этапа формирования региональных моделей этнополитики следует считать то, что эти модели строились в условиях масштабной политизации этничности, которая, с одной стороны, была порождена издержками прежней государственной политики, а с другой – стала инструментом реализации замыслов определенных политических сил. Характерной особенностью начального этапа являлось то, что региональные стратегии этнополитики формировались под мощным воздействием этнополитических движений и организаций, которые и определяли их содержание и многие концептуальные положения.

В нынешних условиях рост регионалистских и националистических настроений не очевиден, но потенциал для подобного развития событий имеется, на что указывает как опыт этнополитического развития России в 1990-

е и в начале 2000-х гг., так и нерешенность многих региональных проблем (бюджетная обеспеченность сельских районов, где преимущественно проживают этнические меньшинства, социальное отставание представителей меньшинств от доминирующих этнических групп, возрастающее неравенство в характере развития различных регионов и в распределении бюджетных дотаций, имущественное расслоение и неравенство в доходах, которое порой приобретает и этнический контекст) создают потенциальные угрозы для политической мобилизации этничности и роста межэтнической напряженности.

Необходимо признать, что определенную роль в стимулировании этнонациональных движений сыграла поддержка (информационная, а зачастую и финансовая) из-за рубежа. Это относится и к сепаратистским настроениям, связанным с идеей так называемой «Великой Финляндии», которые культивируются маргинальной частью финно-угорской интеллигенции, при очевидной надуманности сценария построения некоего единого «Финно-угорского мира».

Поэтому необходимо совершенствовать не только государственную национальную политику (что нередко, особенно в регионах, имеет лишь характер деклараций), но и серьезно менять другие сферы отношений между центром и регионами, а равно не забывать и о политической модернизации страны.

Во второй главе – **«Основные тенденции этнополитического транзита Республики Мордовия»** – представлен анализ общих закономерностей социально-экономического, этнокультурного и общественно-политического развития указанного субъекта в РФ в постсоветский период.

В параграфе 2.1 – **«Социально-экономические и политические факторы развития Мордовии в 1990-е – 2000-е гг.»** – анализируются тенденции социально-экономического и политико-государственного развития РМ, во многом определившие и ее этноконфессиональное развитие рассматриваемого периода.

Сложное экономическое положение Мордовии посткоммунистического периода сохранялось на протяжении 1990-х гг. Особенно губительно на экономике Мордовии сказалось свертывание ВПК в годы «перестройки». В целом же за годы реформ экономика Мордовии претерпела значительный промышленный спад. Уже к середине 1990-х гг. Мордовия стала одним из беднейших регионов России. В результате сокращения производства на крупнейших заводах республики (СИС–ЭВС, «Электровыпрямитель», Саранский механический завод, Саранский приборостроительный завод, Саранский телевизионный завод и др.) резко вырос уровень безработицы.

Ситуация стала меняться к лучшему в первое десятилетие XXI в., когда в экономике республики наметился рост, чему в немалой степени способствовала атмосфера политической стабильности в Мордовии. Тогда же обозначилась тенденция к некоторому росту доходов населения.

К середине 2000-х гг. в Мордовии наметились позитивные сдвиги в экономике и социальной сфере. В немалой степени это было обусловлено как эффективным социально-экономическим курсом, проводимым руководством республики (поощрение развития рынка в сочетании с государственной поддержкой ведущих отраслей), так и общей стабилизацией в Российской Федерации в период президентства В. В. Путина.

В республике вновь стали стабильно функционировать ведущие предприятия, была разработана и применена на практике оригинальная система межбюджетных отношений, начался рост объема инвестиций в сельское хозяйство, что сразу положительно сказалось на урожайности зерновых культур, эффективности переработки сельскохозяйственной продукции и т. д. В целом, уже в начале 2000-х гг. в Республике Мордовия стала формироваться социально-экономическая политика, сделавшая ставку на инновационное развитие.

Однако сохранялся ряд отрицательных аспектов. Прежде всего, к ним следует отнести общую неразвитость рыночных механизмов регулирования социально-экономического развития. Положительная динамика экономического роста была в основном достигнута посредством использования административного ресурса, что, безусловно, не способствовало формированию цивилизованных рыночных отношений и деловой инициативы.

Политическая ситуация в Мордовии 1990-х – начала 2000-х гг. характеризовалась относительной стабильностью. В первой половине 1990-х гг. в Мордовии произошел передел власти в пользу новых социально-политических элит. Принятие новой Конституции и выборы Главы республики в сентябре 1995 г. создали реальные возможности для восстановления управляемости всех отраслей народного хозяйства, стабилизации политической и экономической ситуации, а также нормализации отношений с центральными органами власти.

К началу 2000-х гг. в Республике Мордовия, по сути, сформировалась президентская республика, несмотря на то, что высшим должностным лицом исполнительной ветви власти здесь является не президент, а глава республики. Роль Государственного Собрания РМ не велика, а после изменений в Конституции РМ стала совсем незначительной. Учитывая, что в его состав вошли в основном главы администраций районов и ответственные работники госаппарата (подчиненные Главе РМ и Председателю Правительства РМ), о формировании конструктивной оппозиции (как основы демократии) говорить не приходится: Государственное Собрание РМ примет любое решение, ратифицирует любой закон, предложенный ему администрацией Главы республики. При этом Стремительный подъем авторитета Главы РМ Н. И. Меркушкина был обусловлен факторами, сложившимися в республике в первой половине 1990-х гг., такими, как затянувшаяся борьба за политическую власть, экономический и социальный кризис. Иными словами, мотивы авторитаризма в Мордовии — политико-управленческие, а не этнополитические.

В параграфе 2.2 – «Роль законодательства, органов государственной власти и политических институтов в этнополитическом развитии, этнодемографической ситуации в Республике Мордовия» – прослеживается взаимосвязь между политико-правовыми институтами и нормами РМ, с одной стороны, и ее этнополитической и демографической ситуацией, с другой.

При анализе ряда статей Конституции Республики Мордовия (1995 г.), касающихся международных и внешнеэкономических связей, обнаружились противоречия с Конституцией РФ. Например, Республика Мордовия, будучи субъектом федерации, присваивала себе некоторые полномочия, которые относятся к исключительному ведению Российской Федерации. Справедливости ради, отметим, что Конституция РМ – одна из немногих региональных конституций, которая в значительной степени соответствует нормам федерального законодательства. Тем не менее, ее отдельные положения нуждались в корректировке. Имелись неточности в ряде формулировок и в терминологии. Причем некоторые противоречия возникли вследствие принятия федеральных законов, вступивших в силу значительно позже принятия Конституции РМ.

На 7-й сессии Государственного Собрания РМ, состоявшейся в октябре 2000 г., мордовское законодательство было приведено в соответствие с общероссийским. Среди наиболее значимых итогов этой законотворческой деятельности необходимо выделить следующие: Глава РМ сохранил право смещать руководителей местного самоуправления; Председатель Правительства РМ был лишен права выполнять обязанности депутата; республиканские министры могут игнорировать вызовы парламентариев на свои заседания и сессии; полномочия Государственного Собрания, представительных органов и глав местного самоуправления могут продлеваться по решению референдума Республики Мордовия.

Принятие в 1995 г. новой Конституции РМ существенно активизировало местную законотворческую деятельность. Так, в период с 1995 по 2000 г. в целях реализации основных конституционных положений было принято более 200 законов Республики Мордовия, в первую очередь определявших порядок формирования и деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Это было вызвано тем, что изменение конституционно-правового статуса Мордовии потребовало незамедлительного формирования республиканских органов государственной власти на основе провозглашенного конституцией принципа разделения властей, установления правовых основ деятельности ее органов, закрепления их полномочий на основе норм конституции, определения форм их взаимодействия между собой. В обеспечение соответствия нормативных правовых актов Республики Мордовия федеральному законодательству были вовлечены практически все органы государственной власти, а также федеральные органы прокуратуры, юстиции и суды.

С 2002 г. в г. Саранске действует представительное учреждение — Общественная палата РМ. Отметим, что она начала действовать одной из первых на территории России. Именно в Мордовии впервые среди российских регионов стала применяться система грантов для некоммерческих организаций, к числу которых относится и Общественная палата.

С начала 1990-х гг. демографическая ситуация в Мордовии оценивалась как крайне негативная. Основанием для такой оценки послужил, прежде всего, резко обозначившийся процесс депопуляции, характеризующийся устойчивым превышением показателя смертности над показателем рождаемости. Положение усугублялось тем, что основной отток населения шел из наиболее экономически развитых районов Мордовии, с развитой социально-производственной инфраструктурой.

В этих условиях руководство Мордовии стало вести активный поиск путей и средств, при помощи которых стоящие перед республикой трудности должны были быть преодолены. В связи с этим, в начале 2000-х гг. стали очевидными симптомы выхода из затяжного социально-экономического кризиса. Это было, прежде всего, оживление промышленного производства, рост объемов производства сельскохозяйственной продукции, а также активная межрегиональная и международная политика руководства республики. На повышении эффективности экономической политики, безусловно, положительно сказалась реализация новой кадровой политики по инициативе тогдашнего Главы РМ Н. И. Меркушкина. Ее суть состояла в омоложении кадрового потенциала и организации конкурсного набора на замещение государственных постов. В республике стали предприниматься первые шаги по переходу от номенклатурного принципа формирования кадров в правительстве к принципу конкурсному. Такая политика была призвана увеличить в республике степень социальной мобильности.

Глава третья – **«Этнополитический активизм в Мордовии в постсоветские годы и на современном этапе»** – содержит анализ особенностей формирования и развития этнокультурных и этнополитических движений в РМ рассматриваемого периода.

В параграфе 3.1 – **«Конструирование этнокультурных движений»** – прослеживается процесс зарождения, организационного и идеологического оформления этнокультурных организаций, в первую очередь – мордовского народа.

У истоков национального движения в Мордовии в рассматриваемый период стояли организации «Вельмема», «Вайгель» и «Масторава». Социальной базой указанных организаций стала национальная мордовская интеллигенция, для которой изначально были характерны идейные установки и психологический настрой, общие фактически для всех возрожденческих этнокультурных движений посткоммунистической России и, шире, постсоветского пространства.

Мордовский общественный центр «Вельмема» был образован весной 1989 г. Сначала он объединял преимущественно филологов мордовских вузов; в этническом аспекте его участники были в основном эрзянами. Вскоре этот достаточно радикальный по взглядам кружок распался. Тогда же более умеренные активисты национального движения создали организацию «Вайгель», которая занялась культурно-просветительными проблемами (языковыми и др.). Наконец, в конце 1980-х гг. в Мордовии было образовано культурно-просветительное общество «Масторава» («Мать-земля»), съезды и конференции которого проходили при достаточно большом числе участников. Деятельность «Масторавы» все более уверенно направлялась в культурно-просветительное русло. Общество ставило перед собой следующие цели: сохранение народных традиций, более глубокое изучение мордовских языков в школе, издание книг, возрождение и развитие этнической музыки и ремесел мордвы и т. д.

О стабильности этнополитической ситуации в Мордовии свидетельствуют регулярно проходящие съезды мордовского народа. 14 – 15 марта 1992 г. под эгидой «Масторавы» в г. Саранске состоялся I Всероссийский съезд мордовского (мокшанского и эрзянского) народа. В целом, данный съезд стал выдающимся событием в истории мордовского народа. Он отразил его отношение к происходящим в стране событиям, уточнил и поставил перед активной частью народа и государственными органами его автономии основные проблемы выживания и возрождения мордвы, создал политический орган – Совет возрождения. Но наибольшее значение съезда заключалось в том, что он продемонстрировал единство народа, его стремление к консолидации, к сохранению самобытности.

В 1995 г. «Масторава» прекратила существование как единое общество. Причиной стали внутренние противоречия между мокшанскими и эрзянскими участниками.

II съезд мордовского народа проходил 23 — 24 марта 1995 г. Съезд занял двусмысленную позицию по вопросу о единстве этноса. С одной стороны, он заявил о несогласии «с попытками нарушить историческую уникальность эрзи и мокши в составе мордовского этноса»; с другой стороны, выдвинул требование указывать в паспортах в графе «национальность» — «эрзя» или «мокша», т. е. фактически провозгласил обособленный характер эрзян и мокшан.

III съезд мордовского народа прошел в г. Саранске 7 – 10 октября 1999 г. Абсолютное большинство участников съезда поддержали идею единства мордовского (мокша и эрзя) народа. Эту линию в начале 2000-х гг. при активной поддержке республиканских властей продолжило Межрегиональное общественное движение мордовского (эрзя, мокша) народа (МОДМОН), организационно оформившееся на III съезде и фактически сменившее «угасшую» «Мастораву». При этом национальные радикалы изначально оказались в абсолютном меньшинстве, в котором, к слову, пребывают и поныне.

Примером служит маргинальная деятельность малочисленной организации Фонд спасения эрзянского языка, которая обвиняет Российское государство, ни много, ни мало, в геноциде эрзян, их якобы насильственной ассимиляции и русификации, при этом категорически отрицая единство мордовского этноса.

В параграфе 3.2 – **«Институционализация этнополитических движений: от национализма к прагматизму»** – выявлены особенности формирования в первое десятилетие XXI века конструктивного социального диалога между властями Мордовии и большинством этнокультурных движений и организаций республики.

С начала 2000-х гг. этнокультурное движение в Мордовии приобретало все более умеренные формы. 23 – 24 ноября 2004 г. в г. Саранске прошел IV съезд мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, который разработал комплексную программу действий по национальному возрождению мордвы до конца первого десятилетия XXI в.

Весьма значимым событием в общественной жизни финно-угорского мира стал Международный фестиваль финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-Угрия!», который состоялся в Саранске 19–21 июля 2007 г. О высоком статусе мероприятия свидетельствовало участие в нем лидеров трех государств – Президента Российской Федерации В. В. Путина, Президента Финляндии Т. Халонен и Премьер-министра Венгрии Ф. Дюрчяня.

29 – 31 октября 2009 г. в г. Саранске проходил Съезд мордовского (мокшанского и эрзянского) народа. Программный лозунг данного съезда — «Консолидация мордовского народа в условиях глобализации (Навеки в единстве!)» — во многом определил основные задачи и вызовы, стоящие перед этнокультурным движением мордвы в начале XXI столетия. Прежде всего, речь шла об эффективной организации этнокультурного воспитания населения в условиях урбанизации, когда все больше представителей сельской мордвы, исконно бывших хранителями национальной культуры, переезжают в города. Основной акцент при этом делался на преподавание мордовских языков и мордовской культуры в городских школах Мордовии. В целом, V съезд мордовского (мокшанского и эрзянского) народа продемонстрировал весомую поддержку, оказываемую Межрегиональному общественному движению мордовского (эрзя и мокша) народа руководством Мордовии и, шире, политическим руководством России.

24 — 25 августа 2012 г. в Мордовии были организованы масштабные торжества, посвященные 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства. Данное событие стало еще одним проявлением высокого уровня межэтнической толерантности, традиционно характерного для Мордовии.

Другим показательным примером роста прагматических тенденций в этнокультурных движениях Мордовии стало этнонациональное движение татар республики. В Мордовии сначала действовали две татарские общественные

организации — Общество татарской культуры «Якташлар» («Земляки»; основано в 1991 г.) и Национально-культурная автономия татар г. Саранска (основана в 2002 г.). 24 ноября 2007 г. в г. Саранске состоялась объединенная отчетно-выборная конференция общества «Якташлар» и Национально-культурной автономии татар Республики Мордовия. Итогом стала реорганизация этих общественных объединений в одно. Официальное название новой единой организации татар Мордовии — Региональная татарская НКА РМ «Якташлар», которая активно сотрудничает с республиканским руководством и пользуется его поддержкой, в том числе финансовой.

В параграфе 3.3 – **«Общественное участие в языковой политике»** – анализируется этнолингвистическая ситуация в данном субъекте РФ.

Проблемы мордовских языков – эрзянского и мокшанского – накапливались в течение длительного времени. Когда-то единый мордовский язык функционировал не менее полутора тысяч лет. Однако со второй половины I тыс. н. э. в нем прослеживались тенденции к образованию территориальных диалектов, два из которых (эрзянский и мокшанский) стали самостоятельными лингвистическими категориями. Современные проблемы, связанные с ассимиляцией мордвы и уменьшением ее численности, постоянно сужают сферу обращения данных языков.

В отношении перспектив развития мордовских языков существует ряд мнений, среди которых можно выделить два основных направления. Первое – раздельное развитие эрзя- и мокша-языков (Д. Т. Надькин, О. Е. Поляков, Д. В. Цыганкин и др.). Второе – создание (вернее воссоздание) единого языка путем объединения лексики эрзян и мокшан (М. В. Мосин, А. С. Лузгин и др.). Проблемы языковой политики и изучения языков в школе, несомненно, являются актуальными. Для изучения мордовских языков необходимо создать условия, но принуждение в их изучении было бы крайне неуместным. Сложилось два подхода к реформированию национальной школы: первый – ограничиться преподаванием родного языка как учебного предмета; второй – превратить школу в один из главных механизмов возрождения этничности как способа «защиты» развивающейся личности и обеспечения социокультурной среды в условиях постоянной изменчивости общества и урбанизации.

Анализ языковой ситуации в современной Мордовии будет неполным без характеристики уже обозначенной проблемы создания единого мордовского литературного языка. Вопрос о создании такого языка обсуждается в среде мордовской гуманитарной интеллигенции с 1980-х гг. В 2000-е гг. эта дискуссия резко обострилась; четко обозначили свои позиции по данному вопросу как сторонники, так и противники разработки литературного языка, общего для эрзян и мокшан. Аргументы сторонников базируются, прежде всего, на том, что абсолютное большинство народов мира имеют единый литературный язык, несмотря на наличие различных крупных диалектов. Контраргументы их оппонентов из Фонда спасения эрзянского языка сводятся к тому, что не

существует единого этноса под названием «мордва»; есть два родственных, но самостоятельных народа — эрзянский и мокшанский. Поэтому, по убеждению лидеров и активистов Фонда, создание единого мордовского языка преследует цель искусственного объединения двух народов с их дальнейшей ассимиляцией и русификацией.

В целом, можно констатировать, что языковой фактор в Мордовии тесно взаимосвязан с этнополитической ситуацией. В то же время обозначенные межнациональные проблемы не исключили высокого уровня этнической толерантности, свойственной Мордовии, как, впрочем, и всему Поволжью в целом. Основой этнической толерантности в рассматриваемом поликультурном регионе России стала социально-психологическая общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку. Показателем такой общности выступает близость социокультурных ценностей, межэтнических установок и образов социальной перцепции у представителей разных этнических групп.

В параграфе 3.4 – **«Влияние СМИ на этнокультурные и этнополитические процессы»** – прослеживается развитие региональных средств массовой информации Мордовии постсоветского периода.

В 1990-е гг. — начале 2000-х гг. в Мордовии происходил новый виток развития республиканской прессы. Формировалось этническое информационное пространство как неотъемлемый атрибут социального устройства, жизнедеятельности любой нации, этноса.

Первую группу периодических изданий РМ образует пресса государственных и местных органов власти, существующая на средства налогоплательщиков с незначительной долей прибыли. К ней относятся, в частности, газеты «Известия Мордовии» (бывшая «Советская Мордовия»), «Мордовия — 7 дней», «Мокшень правда», «Эрзянь правда» и др.

Вторую группу образует пресса политических партий, общественных движений и объединений, профессиональных союзов, существующая на средства самих редакций и пожертвований активистов. К ней относятся «Наша правда» (КПРФ), «Саранские ведомости» (ЛДПР), «Позиция» (Федерация независимых профсоюзов Мордовии), православно-монархический вестник «Русский Рубеж» (Саранский отдел Российского Имперского Союза-Ордена) и др.

Третью группу образует пресса акционерных обществ, предпринимательских и коммерческих структур, рекламных агентств, индивидуальных учредителей, существующая на собственные доходы. Наиболее известные периодические издания Мордовии данного типа: «Столица С», «Вечерний Саранск» и др.

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. в Мордовии происходит постепенная переориентация большинства региональных СМИ от проблем этнополитических, характерных для периода второй половины 1980-х — первой

половины 1990-х гг., к проблемам этнокультурным. Постоянно обсуждаемыми в СМИ темами являются проблемы развития национальных языков, в том числе сужения сфер их функционирования, вопросы исторического прошлого народов, проживающих на территории Мордовии, этнического своеобразия мордовской и татарской культур, национально-культурного развития мордовской диаспоры, развития национальной школы и т. п. Развитие СМИ Мордовии неразрывно связано со спецификой общественно-политической и этнокультурной жизни данного субъекта Российской Федерации. В целом, приходится констатировать, что их подавляющее большинство с начала 2000-х гг. (за исключением газеты «Эрзянь Матор» и местных изданий КПРФ) демонстрируют лояльность республиканским властям, в том числе в вопросах этнокультурного строительства.

Глава четвертая – **«Эволюция государственно-конфессиональных отношений в Мордовии»** – представляет собой анализ особенностей конфессиональной ситуации в данном субъекте РФ.

Как и в остальных регионах России, феномен религиозного возрождения в Мордовии громко заявил о себе еще в конце 1980-х гг. Традиционными религиями в Мордовии, как и в России, в целом, являются православие и ислам, которые исповедует основная часть населения республики. Однако конфессиональные ориентации многонационального населения этим не ограничиваются. В республике действуют и активно ведут миссионерскую деятельность, баптисты, лютеране, «Свидетели Иеговы», члены Международной Церкви Христа, Общества Сознания Кришны, езиды, бахаи и др.

В параграфе 4.1 – **«Русская православная церковь в этнокультурной и общественно-политической жизни»** – анализируются различные аспекты православного возрождения в РМ 1990-х – 2000-х гг.

В религиозно-конфессиональном отношении подавляющее большинство населения Мордовии исповедует православие. Мордва относится к одному из наиболее христианизированных народов Поволжья, и здесь исторически возник своеобразный локальный «мордовский» вариант православия, включающий элементы дохристианских, языческих верований. Количественный рост действующих на территории Мордовии православных церквей и приходов в 1990-е — начале 2000-х гг. сопровождался развитием их структуры и инфраструктуры. Образование Саранской и Мордовской епархии вызвало значительные структурные изменения в церковном управлении. Одновременно получала развитие епархиальная инфраструктура, что выразилось в открытии, восстановлении и строительстве монастырей.

19 февраля 2002 г. по инициативе Саранской и Мордовской епархии Русской православной церкви был создан Союз православной молодежи Мордовии (СПММ). Союз объединил священнослужителей, представителей воскресных школ и православную молодежь. Союз православной молодежи

изначально представлял собой общественное объединение, стратегическими задачами которого были недопущение ухода молодых людей в секты и воспитание их в духе православия. Данная общественная организация стала работать в нескольких направлениях: пастырско-миссионерском, педагогическом, художественно-эстетическом, краеведческом, туристическом, информационно-техническом и военно-патриотическом.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. важной чертой конфессиональной ситуации в Мордовии стала активизация социально ориентированной и культурно-просветительной деятельности Русской православной церкви. В частности, продолжилось формирование законодательной базы сотрудничества Саранской и Мордовской епархии с государственными учреждениями республики. В этот же период Саранская и Мордовская епархия РПЦ создала достаточно развитую конфессиональную систему образования, которая, включает в себя Саранское духовное училище (в настоящее время идет подготовка к открытию на его базе семинарии), а также воскресные школы и богословско-катехизаторские курсы для мирян.

5 октября 2011 г. постановлением Священного Синода была образована Мордовская митрополия, объединившая Саранскую, Краснослободскую и Ардатовскую епархии.

Таким образом, Русская православная церковь в Мордовии 1990-х – 2000-х гг. характеризуется организационным и культурным возрождением, что, безусловно, является общей тенденцией для всего российского общества. Широкая поддержка Русской православной церкви и ее инициатив властями и включение в процесс православного возрождения местной интеллигенции, в том числе мордовской, представляются нам не случайными явлениями. Тем самым, осознанно или неосознанно, происходит интеграция мордвы в общероссийское культурное пространство, которое в значительной мере формируется на основе православных ценностей. Вместе с тем, чрезмерная политическая и культурная роль РПЦ в республике, ее привелигированное положение создают ситуацию потенциального конфликта между конфессиями, ибо РМ не поменяла своей поликонфессиональный состав, а представители отдельных конфессий начинают все более чувствовать свою ущемленность в общем культурном поле республики.

В параграфе 4.2 – **«Ислам в Мордовии: основные тенденции развития и общественная роль»** – прослеживаются основные тенденции развития мусульманского сообщества (уммы) в Мордовии 1990-х – 2000-х гг.

В Мордовии основным носителем ислама суннитского толка является татарская община, которая насчитывает около 50 тыс. чел., т. е. около 6 % населения республики. В 1990-е гг. – начале 2000-х гг. среди татар Мордовии усилилось движение за восстановление своих культурных традиций, за культурную самоидентификацию. Данное движение неразрывно связано с исламом: татарская община республики придерживается, как, впрочем,

абсолютное большинство российских мусульман, ортодоксального суннизма (ахль ас-сунна ва-ль-джама'а — люди Сунны и согласия) ханифитского мазхаба (одной из четырех основных юридических школ суннитов).

В организационном плане мусульманская умма Мордовии с начала 2000-х гг. переживает состояние фактического раскола. Так, в 2000 г. в Мордовии практически одновременно были образованы два муфтията – Духовное управление мусульман (ДУМ) РМ и Региональное духовное управление мусульман (РДУМ) РМ. Если ДУМ РМ ориентируется на Совет муфтиев России (СМР), возглавляемый муфтием Равилем Гайнутдином (Москва), то РДУМ РМ — на Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) России, возглавляемое муфтием Талгатом Таджутдином. В 2008 г. было создано Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) Республики Мордовия, которое с декабря 2010 г. вошло в состав новообразованной структуры – Российской ассоциации исламского согласия (РАИС). К сожалению, приходится констатировать, что разделение относительно небольшой уммы Мордовии на три муфтията изначально носило характер соперничества, отражая общую ситуацию в российском исламском сообществе начала XXI в.

В то же время мусульмане Мордовии проводят масштабную благотворительную деятельность, а также иную социально ориентированную и культурно-просветительскую работу, развивают свои конфессиональные СМИ (примерами являются газета «Ислам в Мордовии» и связанный с ней интернет-портал «Мусульмане Мордовии»).

Характеристика процессов, происходивших в умме Мордовии в конце XX — начале XXI столетия, будет неполной, если не затронуть тему отдельных проявлений исламского экстремизма на территории республики. Проблема реального наличия сторонников исламского экстремизма (ваххабизма, или салафийя) в Мордовии впервые обозначилась в середине 1990-х гг., когда салафитский эмиссар из Астраханской области Абузар (О. Марушкин) попытался создать общину-джамаат в с. Белозерье Ромодановского района. Деятельность Абузара и его сторонников была достаточно быстро локализована властями и силовыми структурами республики, а также старейшинами и большинством верующих указанного села. Кроме того, в начале 2000-х гг. на территорию Мордовии неоднократно проникали проповедники и даже боевики отдельных салафитских группировок Поволжья, Северного Кавказа и Центральной Азии. Однако их деятельность носила локальный характер, быстро пресекалась правоохранными органами и, главное, вызывала открытое осуждение большинства мусульманского населения Мордовии.

В целом, можно констатировать, что, несмотря на обозначенные деструктивные явления, сегодня умма Мордовии обладает достаточно сильным потенциалом (организационным, культурным и экономическим), что обуславливает ее быстрое и интенсивное развитие.

В параграфе 4.3 – «Активность протестантских общин в Мордовии в постсоветские годы и на современном этапе» – анализируются организационные и социокультурные особенности деятельности в РМ различных протестантских церквей и общин, из которых наиболее длительную историю в данном регионе имеют баптисты, пятидесятники, адвентисты.

История распространения баптизма в мордовском крае начинается с 1914 г. В советский период баптисты Мордовии подвергались неоднократным преследованиям со стороны государства. С 1990-х гг. в РМ действуют две баптистские религиозные организации.

На советский период приходится формирование на территории Мордовии общин пятидесятников и адвентистов седьмого дня, которые также получили возможность свободного отправления культа и культурно-просветительской деятельности только с 1990-х гг.

Новыми феноменами протестантизма в Мордовии, давшими знать о себе уже в постсоветский период, стали лютеране и «свидетели Иеговы».

В 1991 г. в г. Саранске состоялось открытие Мокша-эрзянской протестантской (лютеранской) церкви, ведущей богослужение на мордовских языках. Тогда уже осуществлялся перевод на мокшанский и эрзянский языки Библии, планировалось строительство нового здания церкви. Несколько позже были зарегистрированы Ковылкинский приход Мокша-Эрзянской евангелическо-лютеранской церкви в г. Ковылкине (1994 г.) и христианский приход «Вельмема» («Воскресение») в г. Саранске (1995 г.). Более широкого распространения в сельской местности Мокша-Эрзянская церковь не получила. Тем не менее, активная деятельность мокшано-эрзянских лютеранских церквей неизбежно приходит в противоречие с местной епархией Русской православной церкви и потенциально таит в себе межконфессиональный конфликт. Посещения лютеранами мордовских сел православные священнослужители предают анафеме, открыто обвиняя лютеран в том, что они «раскалывают» общество по конфессиональному признаку.

«Свидетели Иеговы» появились в Мордовии в 1995 г. Организация была зарегистрирована в декабре 1999 г., при этом имелись проблемы с оформлением документов, так как после выхода в 1997 г. закона «О свободе совести и религиозных объединениях» они частично не соответствовали его требованиям. На наш взгляд, конфессию «Свидетели Иеговы» вполне обоснованно можно отнести к деструктивным культам. Под понятие «деструктивные культы» попадают псевдорелигиозные организации, которые используют комплекс методов, таких как вербовка, контроль и манипулирование сознанием членов общины, создание материальной зависимости от лидера и его команды, насилие, в том числе психологическое, над личностью. Возможно, это характеризует данное религиозное объединение в целом по России, однако иеговисты г. Саранска являлись в этом отношении исключением и пользовались определенным успехом в своей деятельности.

В параграфе 4.4 – **«Язычество, неоязычество и «нетрадиционные» религиозные течения как элемент общественной активности»** – анализируются различные религиозные меньшинства современной Мордовии, которые не пользуются большим влиянием, но также формируют «конфессиональный ландшафт» республики.

С 1990-х гг. активисты Фонда спасения эрзянского языка предпринимают усилия по возрождению дохристианских верований и обрядов мордвы, в том числе языческих молений (озксов). Современная ситуация с язычеством в Мордовии не позволяет свести этот феномен только к дохристианским анахронизмам. Однако это, на наш взгляд, не может быть оправданием искусственного возрождения и внедрения язычества как единственного средства идентификации мордовского этноса, его культуры и сознания. Сегодня уже нельзя не считаться и с тем, что органичной частью мордовской культуры стало православное христианство, которое пустило в сознании мордовского народа глубокие и прочные корни. Безболезненное искоренение христианства из мордовского религиозно-этнического сознания уже невозможно. Синтез язычества и православного христианства стал реальным состоянием мордовской духовной культуры и этнического сознания. Это подтверждают и данные проведенных нами исследований, из которых явствует что до сего дня многие, прежде всего женщины, в молитвах повторяют то славянские псалмы, то древние эрзянские или мокшанские молитвы языческим богам.

Кроме того, свою «нишу» в «конфессиональном ландшафте республики заняли неоиндуисты (Международное общество сознание Кришны), иудеи, езиды, бахаи и представители других нетрадиционных для Мордовии религий. Особняком стоят сатанистские и некоторые другие деструктивные культы, деятельность которых порицается общественностью и пресекается правоохранительными органами. Иными словами как бы исподволь в РМ формируется конфессиональная альтернатива традиционным религиям, которая порождает и может породить впредь рост межконфессиональной напряженности.

В параграфе 4.5 – **«Проблемы реализации государственного и независимого научного мониторинга этноконфессиональной ситуации в Мордовии»** – выявлены особенности этнологического мониторинга этноконфессиональной ситуации в РМ и сформулирован ряд рекомендаций.

В 1990-е гг. — начале 2010-х гг. в Мордовии сформировалась довольно развитая и эффективная система мониторинга этноконфессиональной ситуации, а также оперативного реагирования на проявления ксенофобии и экстремизма. В рамках данной системы задействованы не только научно-исследовательские центры и образовательные учреждения, но и местные, региональные и федеральные учреждения.

С 2001 г. мониторинг этноконфессиональной ситуации в Мордовии осуществляет Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения

конфликтов Института этнологии и антропологии РАН. С 2008 г. Министерство по национальной политике РМ совместно с филиалом Всероссийского центра изучения общественного мнения по Приволжскому федеральному округу (ВЦИОМ–Поволжье) проводят социологические исследования по теме «Мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия». Кроме того, мониторинг межконфессиональных и межнациональных отношений проводит Историко-социологический институт Мордовского государственного университета, а в Мордовском государственном педагогическом институте с 2009 г. действует научно-исследовательская лаборатория «Научно-методическое обеспечение профилактики экстремизма и ксенофобии в системе российского образования». С января 2013 г. при Министерстве по национальной политике РМ действует экспертно-консультативный совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям. В его состав вошли представители органов государственной власти, правоохранительных органов, научная и творческая интеллигенция, представители традиционных конфессий республики, национально-культурных автономий и объединений.

По мнению автора диссертационного исследования, корни ксенофобии, точнее – ксенофобий – как этнических, так и религиозных, кроются не только и не столько в социально-экономических реалиях (во всяком случае, в Мордовии, например, о вытеснении местного населения мигрантами с рынка рабочей силы речь, конечно, не идет), сколько особенностями массового общественного сознания современного российского социума. Это, прежде всего, низкий уровень культуры, особенно культуры бытовой, который во время проведения данного опроса проявлялся весьма часто в виде оскорбительной ругани, в том числе нецензурной, в адрес представителей ислама, в том числе трудовых мигрантов среднеазиатского и кавказского происхождения. Напряжение на рынках труда вместе с радикализацией отдельных представителей конфессий создают условия для роста общественного недовольства в РМ и обострении межэтнических отношений. Сюда же можно отнести и подверженность влиянию «желтой прессы», в целом СМИ, которые смакуют и гипертрофируют проблему «этнического криминалитета». Например, популярное в Мордовии еженедельное периодическое издание «Столица С» часто публикует материалы на криминальную тематику, в которых делается акцент на то, что преступление совершили лица определенной национальности, в том числе выходцы с Кавказа, российского или зарубежного, или из республик Средней Азии. Всё это, безусловно, тоже формирует ксенофобские и антимигрантские настроения.

Именно поэтому, по мнению автора данного текста, в Мордовии совершенно необходима просветительская деятельность среди населения, направленная на формирование установок толерантности. Значение такой работы трудно переоценить, поскольку зачастую источником ксенофобии является элементарное невежество – незнание и, более того, агрессивное

нежелание знать культуру «иных», в частности, исламскую культуру. Особое значение для предотвращения волны дискриминации в отношении религиозных, в частности, мусульманских общин должно иметь предупреждение каких бы то ни было, даже незначительных антимусульманских выпадов. В современном обществе насущным требованием должно стать отделение образа «ислама» от ярлыков «терроризма». Приверженность к исламу тысяч жителей российских регионов и приезжающих трудиться в Россию мигрантов не должна становиться поводом для огульных обвинений в их адрес. Политикам необходимо прилагать значительные и постоянные усилия для предупреждения проявлений исламофобии и общественных предрассудков.

Необходимо также взаимодействие образовательных учреждений, общественных организаций и средств массовой информации в целях повышения эффективности противодействия проявлениям экстремизма. Принципами, на основании которых будет осуществляться взаимодействие, должны стать: законность, комплексность, оптимальность, оперативность. Предупреждение любых видов ксенофобии и экстремизма в учебных заведениях должно носить системный характер. При этом важную роль приобретает активное вовлечение молодежи в культурно-массовую работу. Например, волонтерское движение может стать средством в борьбе с вредоносным идеологическим воздействием, повысить статус молодого человека и его возможности в самореализации, а также развить его позитивную направленность.

В Заключении формулируются основные выводы диссертационного исследования.

Обобщая анализ этнополитических, этнокультурных и этноконфессиональных процессов в Мордовии, мы можем констатировать тесную взаимосвязь между ними. Вторая половина 1980-х — начало 2000-х гг. в Мордовии характеризуются кардинальными сдвигами в социально-экономической, этнополитической и этноконфессиональной областях (что было характерно и для всего российского общества в целом). Сложное экономическое положение Мордовии в посткоммунистический период сохранялось на протяжении всех 1990-х гг. Уже к середине указанного периода по совокупности социально-экономических показателей она стала одним из беднейших регионов России. Однако в начале 2000-х гг. в экономике республики наметилась тенденция к экономическому росту, чему в немалой степени способствовала атмосфера политической стабильности. Кроме того, это было обусловлено как эффективным социально-экономическим курсом, проводимым руководством Мордовии, поощряющим развитие рынка в сочетании с государственной поддержкой ведущих отраслей, так и общей стабилизацией в Российской Федерации периода президентства В. В. Путина.

К началу 2000-х гг. в Республике Мордовия, по сути, сформировалась президентская республика, несмотря на то, что высшим должностным лицом исполнительной ветви власти здесь является не президент, а Глава РМ. Роль Государственного Собрания РМ невелика. Номенклатурная «реконкиста» в Мордовии завершилась формированием своеобразной региональной политической корпорации, которую возглавил Н. Меркушкин как Глава республики. Характерной особенностью этой «корпорации» стало формирование нового состава регионального парламента. В его состав вошли в основном главы администраций районов и ответственные работники госаппарата (подчиненные Главе РМ и Председателю Правительства РМ), назначенные самим Главой РМ. В этих условиях не было условий для формирования легальной парламентской оппозиции (как основы демократии) действующей власти. Причину формирования жесткого авторитарного политического режима в Мордовии можно найти в так называемой «институциональной усталости», когда внутриэлитный конфликт завершился передачей значительной власти (практически всех управленческих полномочий) одному лицу — Главе РМ.

При наличии многопартийности в Мордовии налицо откровенная слабость оппозиции республиканской власти. Исключение представляет собой этнонациональное движение эрзянских радикалов, стремящихся активно разыграть «этническую карту» и разжигающих антироссийские настроения. Однако данное движение не пользуется большим влиянием в отличие от просветительских движений мордвы-мокши и татар, действующих в рамках национально-культурных автономий и вовремя начавших диалог с региональной властью и заключивших с ней своеобразный пакт элит.

На протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. произошла существенная трансформация этнокультурных и этнополитических движений мордовского (мокша и эрзя) и татарского этнических сообществ, сформировавшихся в Республике Мордовия. В первой половине 1990-х гг. большинство указанных движений выступало с политизированными требованиями, которые зачастую сопровождались критикой республиканских властей (хотя необходимо отметить, что даже в этот период сепаратистские лозунги в Мордовии фактически не выдвигались). Во второй половине 1990-х гг. и, особенно, в начале 2000-х гг. большинство этнокультурных и этнополитических движений мордвы и татар встали на путь сотрудничества с руководством РМ, что, в немалой степени, было обусловлено поддержкой данных движений со стороны республиканской власти.

Очень важное значение для Мордовии имела и имеет и проблема межконфессиональных отношений, так как республика исторически является многоконфессиональным регионом и толерантные отношения между представителями различных религий сформировались здесь в процессе длительного межкультурного взаимодействия между различными этническими

и конфессиональными группами. В 2000-е гг. (в отличие от ситуации начала 1990-х гг.) картина межконфессионального взаимодействия в республике отличалась относительной стабильностью. Представляется актуальным налаживание в Мордовии межрелигиозного диалога и сотрудничества на уровне религиозных лидеров как необходимое условие устойчивого и сбалансированного духовно-культурного развития российского общества. Несколько осложняет межконфессиональные отношения наличие православно-протестантских противоречий и усиливающееся проникновение в регион идей ваххабизма, однако данные явления носят локальный характер и пока не способны дестабилизировать ситуацию в Мордовии в мордовском обществе.

Таким образом, сущностью модели этнополитического транзита в Мордовии является построение прочной этнополитической олигархии. Формированию такого режима способствовала резкая актуализация этничности на рубеже 1980-1990-х гг. и превращение этничности из сугубо культурного феномена в политический ресурс. Лидеры Мордовии и ее политическая элита воспользовались данным ресурсом в полной мере и смогли завоевать прочные политические позиции в регионе. После укрепления своих позиций этничность перестала рассматриваться властями как мощный политический ресурс, а изменение политической ситуации в стране в целом еще более ослабили значимость этничности как инструмента политической конкуренции.

В целом, Республика Мордовия, несмотря на обозначенные выше трудности и проблемы, обладает, как показал опыт предшествующих десятилетий, достаточно сильным потенциалом для построения общества, основанного на принципах межэтнической и межрелигиозной толерантности. В то же время данный опыт используется не в полной мере, поскольку этнополитика преимущественно носит не только этнократический характер, но и во многом декларативна и неэффективна. Как следствие, власти республики не всегда оказываются способными оперативно реагировать на возникающие конфликтные ситуации и потенциальные угрозы.

Основное содержание исследования отражено в следующих публикациях:

Монографии:

1. Козин В.В., Шилов Н.В. Республика Мордовия. Модель этнологического мониторинга М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002 (5,1/2,55 п.л.) (соавт.).

2. **Шилов Н.В.** Этнополитическое развитие Мордовии в условиях постсоветского транзита. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2014. (13,9 п.л.)

*Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах,
рекомендованных ВАК:*

3. Макаревич Н.С., **Шилов Н.В.** Современная этническая и религиозная ситуация в Мордовии // Интеграция образования. 2001. №1. С.86 (0,2/0,1 п. л.)

4. Шабаев Ю.П., **Шилов Н.В.** «Финно-угорский мир»: идеология и реальность // Свободная мысль. 2008. №12. С. 79-94 (0,2/0,1 п. л.)

5. Шабаев Ю.П., Садохин А.П., **Шилов Н.В.** Политизация этничности: зарубежные и отечественные акторы «финно-угорского вопроса» // Вестник Российской нации. 2009. №2. С. 163-180. (1.0/0,33 п. л.) (соавт. Шабаев Ю.П., Садохин А.П.).

6. Шабаев Ю.П., Денисенко В.Н, **Шилов Н.В.** Языковая политика в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации: поиск модели // Регионоведение. Научно-публицистический журнал. 2009. №2. С. 296-309 (0,7 п.л./0,23 п.л.)

7. Шабаев Ю.П., Денисенко В.Н, **Шилов Н.В.** Язык и этничность: дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угров // Этнографическое обозрение. 2009. №2. С. 92-105 (0,7 п.л./0,23 п.л.)

8. Шабаев Ю.П., **Шилов Н.В.** Рецензия на монографию «Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра» // Этнографическое обозрение. 2009. №4. С.191-195 (0,4/0,2 п.л.)

9. Шабаев Ю.П., Садохин А.П., **Шилов Н.В.** Этнонациональные движения в новой социокультурной реальности // Социологические исследования. 2009. №10. С. 56-66 (0,8 п.л./0,27 п.л.)

10. Шабаев Ю.П., Садохин А.П., **Шилов Н.В.** «Финно-угорский мир»: миф, макроидентичность, политический проект? // Общественные науки и современность. 2010. №1. С.147-155 (0,7 п.л./0, 23 п.л.)

11. **Шилов Н.В.** Влияние СМИ на этнополитические процессы (на материалах Республики Мордовия) // Вестник РГГУ. Серия «Социология». 2011. №3. С.151-160 (0,8 п.л.)

12. Шабаев Ю.П., **Шилов Н.В.** Регионализм и этничность в пространстве публичной политики: идеологии и политические практики (на примере Архангельской области и Республики Коми // Гуманитарные науки и

образование: научно-методический журнал. 2012. №4. С. 131-138 (0,7 п.л. /0,35 п.л.)

13. Шилов Н.В. Русская Православная церковь и мусульманская умма в Республике Мордовия начала 2000-х гг.: основные тенденции развития // Вестник Научно-исследовательского института гуманитарных наук. 2014. №1(29). С. 190-198 (0,77 п.л.).

14. Шабает Ю.П., Садохин А.П., Шилов Н.В. Этнополитика в современной России: политические практики и институциональные ресурсы управления// Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. №13(80). Т. XVII. С. 167-183 (1,5п.л./ 0,5 п.л.) (соавт.).

15. Шилов Н.В. Ethno-confessional processes in the Republic of Mordovia at the beginning of XXI century (in the context of social partnership confessions and the state) // Politics and religion. 2015. №1. Vol. X. P. 69-85 (0,5 п.л.).

16. Шилов Н.В. Основные тенденции этнополитического развития в современной Мордовии// Вестник Московского Университета. Серия 8: История. 2016. №1. С. 119-127 (0,7 п.л.).

17. Шилов Н.В. Мигрантофобия как фактор риска возникновения межнациональных конфликтов (на материалах Москвы и Мордовии) // Регионоведение. Научно-публицистический журнал. 2016. №4. С. 177-188 (0,7 п.л.)

18. Шабает Ю.П., Садохин А.П., Шилов Н.В. Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского народа и современный кризис этнического национализма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. №6. С. 125-148. (0,7 п.л. /0, 23 п.л.)

Всего по теме диссертации опубликованы 97 работ (общим объемом 67,9 п. л.), в том числе 16 статей в изданиях, внесенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, утвержденных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных положений докторских и кандидатских диссертаций, 2 монографии, 79 статей по теме диссертации в других научных изданиях.